

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ

ВЕЧНОЕ И НАСТОЯЩЕЕ В ФИЛОСОФИИ

ВЕДУЩИЕ УЧЕНЫЕ
РОССИИ

ФИЛСФАК МГУ

КОНСПЕКТ ПОДГОТОВЛЕН
СТУДЕНТАМИ, НЕ ПРОХОДИЛ
ПРОФ. РЕДАКТУРУ И МОЖЕТ
СОДЕРЖАТЬ ОШИБКИ.
СЛЕДИТЕ ЗА ОБНОВЛЕНИЯМИ
НА [VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

ЕСЛИ ВЫ ОБНАРУЖИЛИ
ОШИБКИ ИЛИ ОПЕЧАТКИ,
ТО СООБЩИТЕ ОБ ЭТОМ,
НАПИСАВ СООБЩЕСТВУ
[VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОДГОТОВКУ КОНСПЕКТА
АСПИРАНТКУ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
ЧЕПЕЛЕВУ НАТАЛЬЮ ЮРЬЕВНУ

Содержание

Лекция 1. Мионов В.В. Погружение в дигитальную пещеру Платона?	4
1.1. Проблемы трансформация культуры	4
1.2. Человек — периферийное устройство смартфона	9
1.3. Современная пещера Платона	11
1.4. Вопросы аудитории	14
Лекция 2. Пружинин Б.И., Щедрина Д.Г. Русская философская традиция и современность (что открывает нам архив эпохи?)	16
2.1. Издательская деятельность	16
2.2. Работа по поиску исторических фотографий.....	20
2.3. Издание собрания сочинений Шпета.....	24
Лекция 3. Кирабаев Н.С. Идеал знания в классической арабо-мусульманской культуре и философии	26
3.1. Особенности классической арабо-мусульманской философии	26
3.2. Категории арабо-мусульманской культуры	28
3.3. Арабо-мусульманская культура как результат кросс-культурного взаимодействия.....	30
3.4. Великие философы Арабского Востока	33
3.5. Суфизм.....	35
3.6. Выводы	37
Лекция 4. Лекторский В.А. Цифровизация жизни: антропологический вызов	40
4.1. Философия в эпоху цифровизации	40
4.2. Новые ответы на кантовские вопросы: Что я могу знать?.....	43
4.3. Новые ответы на кантовские вопросы: Что я должен (могу) делать?	49
4.4. Старые философские проблемы в новом ракурсе	52
4.5. Вопросы аудитории	54

Лекция 1. Миронов В.В. Погружение в дигитальную пещеру Платона?

1.1. Проблемы трансформация культуры

Начиная с последней трети XX века, взрывной характер технологических открытий порождает изменения, которые влияют на всю нашу жизнь. Становится необходимым уточнить само понятие культуры, способы её функционирования, влияние, которое оказывают эти изменения на все формы общественного сознания, на систему ценностей и прежде всего на образования, которая является системообразующей частью культуры. Определений культуры очень много, в справочнике более 200.

Можно использовать определение Вячеслава Семеновича Степина, одного из наших выдающихся философов. Культура выступает здесь как система «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех её основных проявлениях».

Таким образом, культура формируется и складывается как система общечеловеческих ценностей. Эта система напоминает, как ни странно, материальную часть культуры: амфора когда-то была сосудом для питья, и вдруг она сегодня стоит в музеях, стоит миллионы долларов. Это материальные ценности, которые можно потрогать руками. Но в то же время существуют надбиологические общечеловеческие ценности, которые как бы обволакивают жизнь индивида и которые он даже иногда не замечает: Добро, Истина, Красота, Справедливость. Эта система — трансформация понятия о красоте, добре, истине, справедливости — изменяется очень медленно. Однако нужно сделать одно уточнение: это изменение было медленным, но скорость изменения сегодня значительно трансформируется благодаря технологическим открытиям. Если раньше человек рождался в одной системе культуры, жил в системе этих ценностей, и умирал в ней, то сегодня происходит нечто другое. Уже на протяжении жизни одного поколения происходит значительное изменение. Студент первого курса уже не понимает студента старшего курса.

Этот своеобразный фон человеческой жизни, который меняется очень медленно, на семиотическом уровне связан с языком, так как язык был средством фиксации значений и смыслов культуры. Здесь можно привести фразу Юрия Михайловича Лотмана, известного культуролога, семиотика, философа, который когда-то выдвинул очень емкую формулу: «Язык – это код плюс его история». Иногда значение самого слова, его изменение может дать больше, чем философские трактаты. Таким образом, текст как языковая конструкция выполняет функцию культурной памяти, то есть он обладает «способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текстов». Те из нас, кто занимается переводческой деятельностью, это очень хорошо

знают. Когда мы используем фразу «Дом бытия» Хайдеггера, мы понимаем, что это не русская изба. Память культуры закодирована живым языком, и понимание культуры есть некий процесс декодирования, интерпретации и перевода. Например, если вы рассказываете анекдот о Штирлице американцу, вам надо объяснить, что была война, и в ней победили не только американцы, и так далее, и пока вы все это объясните, анекдот перестанет быть смешным.

Таким образом, культура – это особое смысловое пространство, в трактовке Лотмана – семиосфера, имеющая многоуровневый организмический характер. Лотман говорит об «организмическом» характере, то есть некоем подобии организма. Лотман использует известное понятие биосферы В.И. Вернадского: «Семиосфера – своеобразная биосфера языка, заполненная разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями». По сути, это множество живых языков, которые выступают в качестве кодирующих культуру структур. Об этом надо помнить, когда нас иногда бездумно призывают все делать на английском языке. Можно отменить русский язык, заставить всех учить английский и все делать на английском. Но тогда и Пушкина придется переводить.

Именно в семиосфере как объективированной знаковой системе фиксируются различающиеся системы человеческих ценностей, моральные, правовые, эстетические, религиозные, философские и т.д. – то, что иногда называют менталитетом. Разнообразие языков определяет сложность культуры как целостной системы, то есть это не тотальная целостности, а целостность разнообразия. Это своеобразное единство разнообразия – всегда более гибкая система, чем система, связанная с тотальностью.

Долгое время развитие научных технологий не оказывало существенного влияния на эти компоненты культуры. Они постепенно впитывались в неё, делая жизнь человека удобнее и комфортнее, не особенно влияя на культуру как таковую. Современные технологии существенным образом влияют на изменение все системы коммуникации и тем самым на характер общения культур.

До последней трети XX века диалог между культурами носил локальный характер. Культуры общались между собой как множества, которые могли в той или иной степени пересекаться. Такой Диалог носил напряженный характер, такое пересечение было непростым, отнюдь не все культура в себя впускала. Были периоды, когда контакт с другой культурой был быстрый, сильный, когда-то он ослабевал, когда-то исчезал. В результате ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями. Пересекающиеся части культуры способствуют диалогу, но нам интересно то, что не пересекается. Потому что то, что не пересекается, не познано. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении в той ситуации, которая делает его почти невозможным.

Новейшие технологии, которые начинают пронизывать все уровни культуры, становятся условием существования и формой нашей коммуникации. Нельзя утверждать, что этого никогда не было в истории культуры. Случались в развитии

культуры и технологические взрывы, например, в связи с возникновением книгопечатания. Сегодня мы наблюдаем, что и преподаватели все чаще обращаются к экрану, хотя это может быть вовсе не обязательно.

В результате происходит трансформация культуры – это направленный внутренний процесс изменения системы, при котором происходит встраивание в одну систему элементов культуры другой системы, причем представители этой культуры иногда этого не замечают. Сегодня маленькие дети хорошо знают, кто такой Микки Маус, но могут не знать, кто такая Баба Яга. Мы говорим на русском языке, но в то же время обогащаемся словами, которые нам этимологически не очень понятны. Результатом этого становится разрушение культуры как системы разнородных локальных культур, и происходит становление глобальной культуры, с неизбежным доминированием в ней одной или группы культур, как правило, именно тех, которые господствуют в технологическом отношении. Это напоминает процесс инфекции, когда нечто чужеродное вживается в организм и заставляет его делать незаметно для себя нечто несвойственное. Условием этого выступает глобальное коммуникационное пространство, или, проще говоря, пространство коммуникации. Именно через него осуществляется инфицирование локальных культур. Культуры буквально атакуются «медиа-вирусами». Этот термин принадлежит Рожкову, американскому исследователю.

В результате, коммуникация из состояния фона (когда культуры пересекались, коммуникация была фоном), фиксирующего события, превращается в стержень современной культуры, который заставляет нас жить, действовать и даже выглядеть по законам коммуникации. Например, событием сегодня является не то, что есть на самом деле, а то, что медийно. Даже событие, которого на самом деле нет, можно сконструировать. Культура начинает функционировать по законам коммуникации. Мы оказываемся в «реальности», которая конструируется масс-медиа и представляет всеобщее большое поп-шоу. Шоу во всем, в политике, даже в науке. В каком-то смысле, происходит погружение человека в современный средневековый карнавал, который вошел в нашу жизнь в условиях иной информационной среды. Только если раньше этот карнавал длился месяц или две недели, то сегодня бы буквально живем в карнавале. Мощнейшие коммуникационные возможности интернета становятся условием закрепления такого карнавала. Социальные сети – это буквально виртуальное карнавальное шествие, со всей его атрибутикой. У вас может быть несколько профилей в социальных сетях, вы можете вступать в дискуссии между собой. Описанные изменения пронизывают все уровни культуры, от обыденного сознания до политики, права, науки и философии.

Современные технологические достижения воздействует на трансформацию культуры в целом и на поведение каждого человека. Технологии из чисто вспомогательного средства, увеличивающего комфортность качества жизни людей, превращаются в самостоятельный доминирующий фактор, который во многом связан с теми технологическими алгоритмами, которые нам навязываются. Если вы смотрите на

свой «айфон», который должен вас распознать, но он вас не распознает, то вы в него не войдете, приходится судорожно вспоминать код.

Современные технологии приводят к нарастанию процесса вертикальной дифференциации уровней культуры, которая становится многокластерной системой, и человек внутри этих социальных кластеров может сам выбирать место своего пребывания в ней. Например, вам нравится попса, и вы выбираете себе кластер, в котором есть только попса, и общаетесь с такими же людьми. Вам кажется, что к этому сводится весь мир. Вы, конечно, можете вырваться из него, но, как правило, никто не вырывается, потому что это более комфортно. Локализуется индивидуальное коммуникационное пространство, которое постепенно начинает формировать ваш интерес. Вся система интернета, поисковая система подстраивается под ваши запросы. Это меняет формы социализации людей и расширяет возможности манипуляции с индивидуальным сознанием. Человеку кажется, что он способен ориентироваться в интернете и социальной сети, на самом деле манипуляция над ним уже осуществляется. Вам приписываются определенные продукты, которые вам желательно купить, определенная поездка, в которую вам желательно поехать. Вы можете этого сначала не замечать, но это появляется перед глазами все чаще, и постепенно человек этому поддается. Постепенно мир для человека ограничивается экраном смартфона.

Подергаются изменению базовые представления о мире и бытии. Когда-то мы были уверены в том, что природа есть некая предзаданная реальность, и мы пытались понять её, пропуская воспринимаемые разумом или чувствами события и факты через наше сознание. Наше мышление никак не затрагивало самих объектов мысли, мы работали с ними, переводя в плоскость абстрактного философского мышления. Сегодня «вторичная» природа, которая, хотя и сотворена сознанием, может быть технологически преобразована в некую виртуальную реальность, с которой мы можем работать как с обычной реальностью. А это порождает новые прочтения онтологических проблем. Вплоть до проблемы, а не являемся ли мы такой сконструированной реальностью.

Трансформируется понимание мышления как некоего свойства присущего индивидуальному сознанию, то есть как принципиально личностного образования. Можно ли, например, говорить о личностном сознании искусственного интеллекта или о симбиозе человеческого и компьютерного. Ранее понятие коллективного мышления представляло собой скорее метафору, сегодня это приобретает вполне реальные черты. Потому что индивид может подключить своё мышление к огромной базе данных. Вы это делаете, когда «гуглите». И человек удивляется, когда ему говорят что в «гугле» не все можно найти. Он не понимает, что «гугл» — это сконструированная система и что реальность пока еще находится вне этой системы. Искусственный интеллект становится сущностно коллективным за счет постоянной включенности в глобальные коммуникационные сети. Возникает прообраз некоего абсолютного сознания или мозга почти на уровне божественного.

Соответственно, какие здесь деформации происходят? В становящейся цифровой культуре изменяются типы деятельности. Например, изменяется деятельность ученого. Ранее он работал в ситуации недостаточности знаний. Он больше не знал, чем знал. На философском факультете работал Вадим Робиневич, он сделал интересное различие, сказав, что человека средневековья нельзя было назвать ученым в современном смысле, он был скорее ученым человеком. Потому что все знание было у Бога.

Поэтому научная деятельность и представлялась, прежде всего, как некие открытия, которые часто осуществлялись до их детального подтверждения. Интуиция в работе ученого имела колоссальное значение. Понятно, что таблица Менделеева приснилась именно Менделееву и вряд ли она бы приснилась нам. Сегодня парадигма научного поиска может измениться. Человек выступает в качестве «пользователя» всех знаний. Научный поиск становится неким перебором подтверждающей информации из совокупности больших данных. И мы уже к этому перешли, мы перебираем информацию, не всегда понимая, что информация может быть ложной. Это хорошо для проведения экспертных оценок, но как быть с поиском нового и неизведанного? В этом случае помогала интуиция, основанная на опыте ученого. Она позволяла выбрать вариант решения проблемы без полного перебора. Кто знает, может быть, закон Кеплера не был бы никогда открыт с помощью ЭВМ, так как большое количество перебираемых фактов могло бы перекрыть его убеждения или веру в то, что Земля обращается вокруг Солнца по эллипсу. Слишком много было бы побочных следствий влияния других планет. Не остановится ли разум, если интуиция окажется незатребованной перед массивом данных? Трудно что-то предполагать, когда на вас давит огромный массив данных. Это серьезная и интересная эпистемологическая проблема.

Процессы цифровизации серьезно влияют на систему образования. Сегодня человек приобщается этим технологиям в самом раннем возрасте, фактически до освоения умения читать и грамоте. Стив Джобс рассказывал о том, что движения, которые выполняются при работе на «айпаде» или «айфоне», рассчитаны на ребенка, поэтому дети это мгновенно осваивают. Но потом они подходят к окну, видят в окне Главное здание МГУ и на окошке пытаются пальчиками раздвинуть, чтобы увидеть его ближе, но не получается. Но есть и другое – обучение грамоте, умению читать и писать. Вы учили буквы, понятия, учились складывать понятия, учились читать книги. Сам процесс приобщения к грамоте был высокоинтеллектуальным. А сегодня вы можете получить информацию, почти не читая. Развитие интернета направлено в сторону развития визуальных картинок. Это уже само по себе вносит изменения в наше сознание. Такое раннее приобщение способствует в большей степени визуализации понятий. Картинка становится первичной по отношению к словам и буквам. И когда человек переходит на более серьезную стадию обучения, например, в университете, ему гораздо тяжелее адаптироваться. Преподаватели видят, что 20 лет назад несколько лекций подряд студент еще выдерживал, сегодня даже полтора часа лекции студенты не выдерживают. Нужна рекламная пауза. А учитывая темп технологических

изменений и новых возможностей, образование, которое осуществляется преподавателями и профессорами, воспитанными в старой печатной культуре осваивается более трудно. Отсюда тяга к упрощению и образовательным комиксам типа «Платон за 90 минут», «Хайдеггер за 60» и т.д. Но ведь если человек, учась на философском факультете, ни разу не открыл «Феноменологию духа» Гегеля, он не может его понять. В результате, не ученик подтягивается к знанию, а знание адаптируется под возможности ученика. Во всех странах сейчас ведутся реформы грамматики, они упрощаются. Не люди подстраиваются под грамматику, а грамматика подстраивается под людей. Например, отменяют букву «Ё».

Меняются взаимоотношения между преподавателем и учащимся. Традиционная система образования подразумевала, что преподаватель, как правило, человек старшего возраста, это, прежде всего, человек обладающий информацией, которой в большинстве случаев не обладает обучающихся. Преподаватель приходит с информацией и выдает ее студентам, а они потом на экзамене ее возвращает и в зависимости от того, сколько вернет, получает оценку. Сегодня молодой человек имеет доступ к информации без посредника и адаптируется к ней лучше. Старшее поколение не всегда понимает «информационную продвинутость» нынешних обучаемых и их умение пользоваться технологическими средствами. А молодое поколение, что вполне естественно, уверено, что знание сводимо к информации, которую можно легко почерпнуть в интернете, что тоже не так. Отсюда меняется сама парадигма преподавания. Мы должны понимать это и изменять систему образования.

Пример из этой сферы: представьте себе, что мальчик, который ещё не учился в школе и хочет прочитать о Французской войне. Поисковая система выдает ему работу Суворова. По-разному можно к ней относиться. Но нет гарантии, что этот мальчик будет читать еще кого-то. Война у него закрепится в изложении Суворова.

Историю русско-польских отношений русский и поляк напишут одинаково? Суворов для поляка и для русского человека будет одинаковым? И мы не можем никого обвинить в том, что они не правы. Вот одна из серьезных проблем, проблема исторических фактов.

1.2. Человек — периферийное устройство смартфона

Мир переходит к пользовательской жизни, когда по любому поводу достаточно нажать на соответствующую кнопку. Уже сегодня ряд функций памяти человека оказывается незатребованным. На философском факультете сегодня есть только один человек, который знает номера телефонов наизусть. Это не безобидно, ибо закрепляется алгоритмическое мышление, когда человек просто ищет алгоритмы действия, не задумываясь, для чего он осуществляет его, и сам характер этих действий непрерывно упрощается. Это приводит к утрате понимания диалектичности и противоречивости окружающего нас мира.

В определенной степени мы возвращаемся к периоду дописьменной культуры. «Наше время, – как писал Маклюен – это ранняя стадия эпохи, для которой печатная культура становится такой же чуждой по своему смыслу, какой рукописная культура была чужда восемнадцатому столетию... Мы первобытные люди новой культуры». Но это не просто возвращение, так оно происходит на фоне усиления распространения визуальных образов, которые вытесняют текст как таковой. Здесь мы приближаемся к Платону. Если текст стимулирует в большей степени аналитические навыки работы с понятиями («Подключая ум», — сказал бы Платон), то аудиовизуальная информация может способствовать впитыванию информации, без ее аналитической обработки, за счёт простоты усвоения образов, то есть почти на уровне гипнотического воздействия. Например, если вы до прочтения книги «Война и мир» смотрели фильм, то образ Безухова у вас уже будет закреплён.

Электронная культура делает жизнь человека более комфортной (пластиковые карты, чипы, смартфоны). А человек с большим трудом отказывается от комфорта, даже если понимает, что этот комфорт может принести ему вред. Например, банк сегодня отслеживает покупки клиентов. Не случайно государство стремится к тому, чтобы наличные деньги вообще исчезли. В Германии были протесты против введения пластиковых карт. Но сегодня мы привыкли. Мы настолько привязываемся к техническим средствам, что уже не можем ехать на машине без навигатора, чувствуем дискомфорт, если вдруг забыли дома телефон, хотя день можем без него прожить.

Вот исследования 2016 года в США, а сегодня уже можно смело умножать на 2:

- среднестатистический американец заглядывает в свой телефон каждые 6,5 минут, примерно 150 раз в день, по другим исследованиям 300 раз в день
- 53% опрошенных в возрасте от 15 до 30 лет готовы отказаться, скорее, от способности распознавать вкус, нежели от смартфона
- среднестатистический студент американского университета в день тратит на смартфон около 8 часов 48 минут
- 79% людей через 15 минут после пробуждения берут в руки смартфон
- 68% спят с ним вместе
- 67% проверяют его даже когда нет звонка
- 46% утверждают, что они не могут жить без смартфона

Мы сегодня выходим из дома и нам плохо, если мы забыли смартфон. Мы застали ещё проводные телефоны, оставляли их дома, выходили на улицу.

Мы постоянно находимся в бесконечном информационном потоке, даже не осознавая, что это не объективная информация и не отражение реальности как таковой. Этот поток формируют за нас поисковые системы, основанные, например, на учете нашей геопозиции. Это уже форма манипуляции сознанием. Человеку кажется, что, имея в руках смартфон, он становится более умным, тогда когда, по сути, он превращается лишь в периферийное устройство смартфона. Не смартфон – наше периферийное устройство, а мы – периферийное устройство смартфона. Он нам напоминает, что мы сделали 10 тысяч шагов, позвонили. Утром мы просыпаемся и

сразу начинаем проверять телефон. А ведь эта привычка приводит к значительному снижению умения концентрироваться, так как человек буквально ловит сообщения. Лента новостей непрерывна и не оставляет времени для того, чтобы задуматься и оценить ее.

Отфильтрованный на основе нашего цифрового следа и истории интернет превращается в так называемый тоннель реальности — то есть узкий спектр явлений и мнений, которые мы видим, находясь внутри сформированной алгоритмами реальности. Мы перестаем воспринимать сложность и взаимосвязанность в мире и видим только то, что находится на цифровом «блюде» перед нашим носом.

И хотя оптимисты, вроде Илона Маска, говорят о смартфоне как новом «расширителе мозга», что делает человека умнее, Сократ бы ему возразил, что мы не становимся умнее, ибо это не наше внутреннее знание, а поэтому мы очень легко его меняем или отказываемся от него. Студент на экзамене может отказаться даже от правильного ответа и начать говорить другое.

В Германии во время конфликта России с Грузией нигде не было видно, как Саакашвили жует галстук. В России по телевизору, в основном, этот человек жевал галстук. Мы с вами философы и понимаем, что истина где-то посередине.

Актуальной сегодня становится «цифровая гигиена», то есть сознательное приучение людей умению отказываться от части информации на время.

5 лет назад в Германии выбрали словосочетание, которое наиболее четко описывает нынешнее поколение: «Generation Kopf unten» (буквально, «поколение с опущенной головой»). Вот наша сегодняшняя реальность. Люди врезаются друг в друга, падают в фонтан. Они просто не могут уже оторваться от смартфона.

Изменения происходят даже на биологическом уровне. Происходит деформация пальцев. Уже в Германии продаются лекарства от костных болезней, поскольку большие пальцы не предназначены для набора текста

1.3. Современная пещера Платона

Вряд ли Платон, конструируя свою известную метафору пещеры, мог догадываться о современных технологиях, которые в определённом смысле превратят его мыслительную модель в своеобразную реальность. В этом сила философии, философ может опередить время, задавая вопросы.

В знаменитой притче (Государство, VII) он описывает ситуацию, когда люди с детства прикованы за ноги и шею в пещере и не могут не просто сдвинуться с одного места, но даже повернуть шею и направить свой взгляд в другое место. Их взгляд направлен лишь на тени от огня, который представляет собой образ Солнца. Пещера — образ существования человечества на земле. Сегодня это пещера, созданная современными коммуникационными технологиями, и человек, погрузившийся в сконструированную реальность, часто воспринимает ее как единственную.

Цифровизация способна выстроить цепочки соизмерений, которые могут интерпретировать мир, какие-то явления более удобным образом, но при этом необходимо помнить, что это мыслительная конструкция, которая может находиться достаточно далеко от постижения сущности объектов. Как дальновидно отмечает Платон, в ряде случаев уподобление реальности может приобретать характер имитации, в которой тень неотличима от реальности. У нас нет гарантии того, как можно различить тень реального объекта и тень имитированного объекта.

Современный человек так же прикован, пусть и не железными цепями к новостным лентам, сконструированным образам, часто не способен, да и не особо желает понять, что реальность от этих конструкций может отличаться. Современная пещера – это пространство глобальной коммуникации. Условием такой виртуальной, но не менее реальной «прикованности» выступают большие данные, посредством которых человек ныне существует в мире и всё в большей степени от них зависит, значительно ограничивая свою внутреннюю свободу.

Платон дал блестящее описание последствий такой привязанности, суть которой состоит в том, что человек начинает принимать за истину ее имитацию или симуляцию. Цитата из Платона: «Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов». Понятно, что при этом всегда остается риск принимаемых решений на основании оценок развития того или иного процесса в виртуальной модели, которые затем касаются действий, реализуемых в реальном мире.

Но Платон на этом не останавливается. Он фактически даже ставит мысленный эксперимент, проблематизируя ситуацию, и вопрошает о том, что будет, если мы освободим людей и снимем с них оковы, дав им возможность смотреть на свет реальности. Казалось бы, это благо. Но «не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?». Платон фактически говорит о том, что в пещере-то человеку уютнее. Попробуйте выйти из цифровой пещеры. Вы через полчаса запроситесь к своему смартфону.

Это тоже очень живое описание психологического состояния человека, которого отрывают, например, от виртуального мира игры. А следствием является то, что человек привыкает к ситуации прикованности, и это для него комфортно.

Наша зависимость от средств, помогающих использовать цифровой мир больших данных, уже сегодня влияет на поведение и деятельность человека. Мы уже не можем без этого жить. Человек в меньшей степени чувствует себя ответственным за собственные действия. Мир начинает напоминать компьютерную игру, а смысловое пространство компьютерной игры, по сути, выступает как новая реальность. Здесь есть очень серьезная опасность. В игре, когда к вам приближается враг, вы должны его убить. Чем меньше вы будете задумываться, тем вероятнее победа. Человек, выходя из игры, эту парадигму «сначала действие потом обдумывание» переносит на реальную жизнь. А здесь проблема с преступностью и другие вещи. Многие игры сопряжены с реальностью. Например, дается задание кто больше испортит машин гвоздем. Потом

все это выставляется в интернете: риск, удовольствие. Более того, например, вы солдат какой-то n-армии и играете в компьютерную игру, которая бомбит другое государство. Где гарантия, что это именно игра? Меняется само отношение к ответственности. В Средние века нужно было надеть кольчугу, поднять тяжелый меч, облиться кровью – вы очень серьезно подумаете перед тем, как сделать это. А сегодня нажал на кнопки и никакой ответственности. Вы не видите реальных убийств.

В основе компьютерной игры лежат алгоритмы, которые могут быть основаны на имитации реальности, в том числе и реальности взаимоотношений между людьми. Абстрагирование от реальности и подчинение игровым алгоритмам приучает нас к тому, что размышление как процесс, предшествующий некому действию, становится вторичным. Такая модель мышления и принятия решений может далеко выйти за рамки игры.

И, наконец, глобальная цифровая пещера может выступить моделью нового тоталитарного общества. Страшный пример: в каком-то смысле, первой формой цифровизации была практика концлагерей, когда человеку присваивали номер и лишали его идентичности. Система мгновенно стала легко управляемой. Этому есть фантастическое подтверждение: Гитлер в 1937 году награждает оператора IBM Орденом заслуг Германского Орла Томаса Уотсона-младшего за работу филиала его фирмы в Германии куда были поставлены вычислительные машины для проведения переписи и ее дальнейшего использования именно для учета еврей и цыган. При внешне сохраняющейся свободе нажимать кнопки и беседовать в социальных сетях, человек всё в большей степени передает власть системе, в которой он становится цифровым винтиком или кодом. Внешняя свобода — «нажимаю и пишу что хочу». А на самом деле это непросто.

В этих условиях философские размышления по поводу развития культуры представляются важными как никогда. Одна из основных задач философии – это выполнение функции предупреждения. Предупреждения о тех тенденциях, которые сопровождают развитие в том числе и научно-технического прогресса и которые несут не только положительные, но и отрицательные последствия для человека и общества в целом. Когда была сброшена бомба на Хиросиму, была сказана знаменитая фраза Оппенгеймера «Мы сделали работу за дьявола». Мы можем себя спросить, а когда он начинал эту работу, он думал, что это будет рождественская игрушка? Вот этический аспект проблемы.

Ещё 20 лет назад некоторое новшество, которое возникало, так медленно двигалось в культуру, что мы могли его легко исправить. Сегодня новшества так быстро интегрируются в культуру, что мы уже не имеем возможности исправлять. Кто из вас знает, что такое пейджер? А кто умеет им пользоваться? А ведь когда-то нам говорили, что это будущее.

Встает центральная проблема: будет ли искусственный интеллект признавать равноправным человеческий интеллект или он будет вытеснен на периферию как не особо нужный?

Не столь безобидная проблема. Сейчас пишут, что машины, которые управляются искусственным интеллектом, уже сбивают людей. А кто мешает машинам с искусственным интеллектом передвигаться без аварий? Человек. А нужен ли человек?

Пелевин в своем романе «iPhuck 10» писал: «Если наделить алгоритмический рассудок способностью к самоизменению и творчеству, сделать его подобным человеку в способности чувствовать радость и горе (без которых невозможна понятная нам мотивация), если дать ему сознательную свободу выбора, с какой стати он выберет существование?... искусственный интеллект будет все про себя знать с самого начала. Захочет ли разумная и свободная шестерня быть?» Все сводится к гамлетовскому вопросу, который не устаревает: “To be or not to be”...».

1.4. Вопросы аудитории

- Как Вы считаете, к чему все идет? Могут ли тенденции, которые Вы описываете, быть остановлены или дойти до своего опровержения, плохо это или хорошо?

- Не нужно лить крокодиловы слезы, культуру хоронят каждые сто лет. Помните историю с амфорой 20-30 лет, которую открыли, а в ней написано, что молодежь все больше пьет, все больше танцует. Так что в этом плане все нормально. Я думаю, что культура найдет адаптивные механизмы. Мы найдём выход. Если мы с вами можем обсуждать эти явления, мы можем найти выход. У меня нет здесь пессимизма, и я с удовольствием пользуюсь новейшими технологическими открытиями.

- Технологии перешли от того, что они помогали нам к тому, что они нами управляют. Где пролегает эта граница?

- Это серьезный вопрос. Представьте себе, что вы печатаете диссертацию так, как печатали ее мы – на печатной машинке. И вдруг вы делаете ошибку на последней 24 строчке. Вы достаете бумагу и печатаете заново. Но, поскольку вы печатаете заново и вы человек творческий, вы что-то изменяете. Вот вам ситуация. Сегодня всего этого нет.

Теперь второй пример, когда мы читаем Пушкина, видим на полях его дневников красивые женские образы. Многие из вас делают заметки на полях дневников? Обратите внимание, вместе с тем, что мы писали писать друг другу письма, исчезла одна вещь, которая у Достоевского и Толстого занимает треть произведений — исчезли черновики. Сегодня, работая с текстом, вы работаете всегда с последним вариантом. Вот вам уже изменение, к которому мы перешли. В этой сфере характер творчества уже изменился. Можно спекулировать по этому поводу а, что было бы, если бы у Пушкина был современный компьютер? Очень интересно.

- Как Вы считаете, нужно ли обучать роботов эмоциональному интеллекту, обучать эмпатии?

- Здесь мы встаем перед проблемой, что такое искусственный интеллект. Есть разные пути, мы надеемся, что мы пойдем по пути симбиоза. Это вопрос серьезный. Об этом писал у нас ученый Бонифатий Михайлович Кедров. В 60-е годы он написал работу о форме и движении материи, в которой говорил о кибернетической форме движения. Он говорил, что так же, как из биологического существа мы стали биосоциальными, точно так же мы станем связанными с кибернетикой. Это были 60-е годы, напоминая.

- Вы приводили ситуацию, когда машина, управляемая пилотом, сбивает человека. Как Вы считаете, кто и за что несет ответственность в данном случае?

- Это центральный вопрос. Алгоритм всегда создают люди и всегда есть вещи которые алгоритм не предусматривает.

Одну маленькую историю расскажу. Моя супруга столкнулась с искусственным интеллектом, надо было оформить документы. Она 2,5 часа стояла в очереди и её дали маленький квиточек на вход в комнату, где она общалась с интеллектуальным разумом. Она зашла, высветилось табло, на котором написано, что у нее 3 минуты. У нее было 2 вопроса. И вдруг перед ней высветилось, что она должна упростить свои задачи до 5. И затем время было исчерпано.

Другой пример: можете представить себе характер катастрофы, когда встала вся железная дорога Германии. Это произошло всего на 10 минут, но последствия ощутимы. Эти риски и мы должны об этом думать.

- Как Вы считаете, стоит ли нам дальше двигаться по пути развития технологий или нам следует остановиться?

- А мы не можем остановиться. Периодически в истории такие попытки были. Леонардо да Винчи зашифровывал свои открытия, потому что человечество не было к ним готово. Здесь нет такого, что мы взяли, остановились и уехали обратно в леса. Нет, мы выбрали этот путь, начиная с античности, со всеми его плюсами и минусами.

Лекция 2. Пружинин Б.И., Щедрина Д.Г. Русская философская традиция и современность (что открывает нам архив эпохи?)

2.1. Издательская деятельность

Эта лекция о русской философии, но она не посвящена какой-то очередной концепции русской философии, потому что существует множество ее интерпретаций и трактовок. В данном случае опорой будет опыт издания.

На сегодняшний день издано 30 томов, и в производстве находятся еще тома, работа продолжается. Издано собрание сочинение Шпета, – одного из немногих настоящих русских философов. Философа не по случаю, который философствовал в литературе или где-то ещё, а постоянно и профессионально, какой бывает основная работа.

Как все великое, история этой серии началась со случайной ситуации. Пружинин Б.И. пришёл в журнал «Вопросы философии» в качестве редактора, отнюдь не главного, а заведующего отделом по теории познания. Он вообще русской философией не занимался никогда, он занимался, как сейчас говорят, эпистемологией, тогда – теорией познания, гносеологией. Но в это время, в 1989 году, в журнале «Вопросы философии» началось издание серии из истории отечественной философской мысли. Издавались томики с произведениями философов, которых, в основном, не издавали в России, – Бердяев, Булгаков, Ильин. Подбирали работы, которые не издавались, либо были изданы на Западе, либо были изданы до 1917-20 годов, и переиздавали эти работы. Тогда, в 1989-90 годах, общее ощущение редакции было таким: издадим сейчас том Бердяева и станет ясно, куда должна двигаться философская мысль России, начиная с этого крутого поворота, со смены социально-экономической формации. Был издан том, его прочитали, и поняли: он говорит о своем, а у нас свои проблемы, своя реальность, и они очень плохо сочетаются. Подумали, что Бердяев излишне вольный, нужно издать Ивана Ильина. Был издан двухтомник Ильина — эффект тот же самый. У него свои проблемы, у него критика. Очень четко ощущался разрыв традиции. Читатели из другого поколения, у них другая традиция и вторые не понимают, о чем первые. Любопытно читать, но актуальность не ощущается.

Тогда, примерно в те же годы или чуть позднее, произошло случайное событие. Пётр Щедровицкий, сын известного советского и русского философа Георгия Щедровицкого, решил издать томик работ своего отца. Он пришел к академикам, которые могли повлиять на ситуацию, и предложил издать о нем. Но тогда издавали именно произведения философов, которые были высланы из страны или не публиковали их работы. Академики сказали: «Почему только? Давайте начнем издавать философов, которые заслуживали того в советский период, и работы о них. Почему нет работы о Лотмане, об Ильенкове, о Батищеве?» Под руководством главного редактора «Вопросов философии» началось издание серии «Философы России второй половины XX века». Тяжело шло издание, с трудом добывались материалы, но работа

шла. Удивительно, какой возник эффект: в журнале возникло ощущение, что начинает восстанавливаться преемственная связь. Пружинин Б.И. застал несколько лекций Попова в МГУ. А у него под кроватью хранилась рукопись «Мастера и Маргариты». Лекторский издал 22 тома серии «Философы России второй половины XX века». Эти тома восстановили преемственную связь.

Тогда встал вопрос о переходе к первой половине XX века. Пружинин Б.И. к этому времени стал главным редактором. Он тогда думал, что вся русская философия сводится к религиозной — оказалось, что она шире, она целостная. Религиозная русская философия находится внутри неё. И с этой точки зрения, вся европейская философия, начиная со средневековья, религиозная. И естественная наука так же двигалась от религиозной проблематики.

Как выглядит издание? Сотрудники находят специалиста, который занимается данным философом, и обращаются к нему, он подбирает авторов, и эти авторы пишут статьи о философе. Их готовили, подыскивая, том за томом.

Единственное условие, которое жестко было сформулировано к статьям — он должны актуализировать проблематику. Ответить на простой вопрос, зачем нам нужен Бердяев сегодня. Зачем сегодня Ильин? Зачем Карсавин? Зачем нужны эти люди? Что они приносят? На эту цель была настроена работа всей серии.

Там не было государственных денег, это все частная свободная инициатива. Первые 15 томов финансировал меценат Дерипаска. Издатели мечтают сегодня о том периоде, когда бизнес повернется к культуре и будет ее поддерживать, как поддерживал Третьяков, как поддерживали Морозовы.

Несколько выводов о том, к каким идеям приводило издание серии. Во-первых: вся русская философия, включая и Яковенко, и философов психологии, и философов русского права, — из одного истока, из особенностей русской культуры. О чем бы мыслитель ни писал, если он думает по-русски, то это русский мыслитель, это русская философия. Эти тома готовились по самым разным сюжетам, будь то философия Голосовкера или философия средневековья, — все это готовилось под углом актуализации этих сюжетов. Иногда поразительные вещи актуализировались, странные поражающие открытия происходили. Например, тот же Голосовкер в 1950-е годы написал книгу для детей «Мифы о Титанах». Он с блеском прописал цикл. Медуза Горгона, это ужасное существо, первоначально была хранительницей дома в Греции. А потом шло ее лишение бессмертия. Она тихо превращалась в негативное нечто. Книга написана для детей, но ее можно рекомендовать политологам. И таких открытий делали огромное количество.

Очень важной темой, которая пронизывала русскую философию, была тема общения. Именно общение, не коммуникация, не перекачка информации из источника в источник, из преподавателя в студента, как из одного компьютера в другой, к чему сейчас скатываются лекции онлайн, а общение, разговор, беседа. Русские философы беседовали непрерывно.

Шпет занимался семитологией, фактически семиотикой, семантикой. С другой стороны — Флоренский — религиозный философ. А он к той же проблематике обращался. Тематическое единство русской философии проступает достаточно явно.

Еще одна деталь, это тоже началось случайно: шло первое заседание попечительского концептуального ученого совета по поводу этой серии. Вел Степин как руководитель этого издательского совета. Сорокин, опытный издатель, директор социально-политического архива России, сказал: «Давайте делать фотографии, отображая реальность той эпохи и того, что тогда происходило. Фотографии связей, контактов, рукописей». Для первого издания по второй половине советского периода, очень забавный и пугающий факт: не всегда находили фотографии. Качество фотографий было довольно низким. И каждый раз возникала проблема печати.

Когда начали работать, пришли к простому выводу: наука вся личностная, но философия без этого вообще не мыслима. В конце концов, Платон все сказал, Сократ все проговорил в его произведениях и все проблемы философские поднялись. Но дело-то в контексте. Там, где это звучало и что звучало. Почему это зазвучало в русской философии? Очень многие философы, французы, немцы, считали, что будущее в XX веке будет за школой русской философии. Вышел прерванный полет. Но потенциал и интерес к происходящему остался.

Тогда Пружинин Б.И. подошел к Щедриной Т.Г. и сказал: «Татьяна Геннадьевна, очень все сложно, нужно искать фотографии, нужно делать историю русской философии». И эта работа оживила серию, позволила увидеть русскую философию в ином свете. Она показала связи и отношения между людьми и показала, как идеи переходят друг к другу через общение. Можно искать специфику каждого отдельного русского философа, но если мы не поймём то поле, в котором они могли говорить и понимать друг друга, мы не поймём русскую философию как целостный феномен. В большей степени говорили о том, что русская философия религиозна по своей сути и в этом состоит ее специфика. Однако когда подняли целый пласт философии не связанной с религиозностью, увидели, что она целостна, потому что каждый из философов стремился понимать друг друга в некоторой сфере разговора, где мысль могла подниматься и критиковаться, когда было о чем говорить, были общие предметы, общие споры. Предметами такими могли стать любые общие социальные темы. Это могло быть государство, это могло быть право, это могла быть методология, религия. Все это обсуждалось не только в кружках, но и на профессиональном уровне.

Эта серия не только открывает новую русскую философию, она продолжает на методологическом уровне тот путь, который прервался. А именно: она восстанавливает общение и восстанавливает выход русской философии в общество, в русскую культуру.

Меценаты обращают внимание на то, что является культурой. Но русская философия, как правило, всегда была на периферии русской культуры. Серия преодолевает сложившуюся традицию непонимания культурной функции философии в России.

В этих томах издатели хотели показать, что философия – это не только идеи, это ещё и люди. И поскольку русская философия первой половины XX века – это прерванный полет, это философский пароход, это расстрелянные люди и исковерканные судьбы, огромное количество идей, которые мы просто закопали в землю, издатели и обратились к архивам, которые показали, как выглядят философы. Потому что многих даже в глаза не видели. Неизвестно, где похоронены эти люди. Мы стерли с лица земли все монастыри и надгробия, где могли находиться останки русских философов. А ведь русская философия – это не только идеи, но и то, как проходил их жизненный путь. Первые 6 томов издания были посвящены достаточно известным раскрученным фигурам: это Степун, это Струве, это люди, которые были на слуху в 12-м году. Но был и один очень странный том «Логика и методология в России». Туда вошли Ивановский, Каринский и Васильев. Было очень много сложностей, потому что издатели не знали, где архив Каринского. В интернете было всего две фотографии, редакторы разводили руками и говорили: «Это выше наших человеческих сил. Мы не знаем, где искать фотографии. Мы не знаем, где они похоронены». Поэтому фотовклейка была обречена на провал.

Тогда собрали рабочую группу из студентов ГАУГН, они искали могилы и архивы. Целым десантом высаживались для того, чтобы посмотреть, как учились в духовных академиях философы, почему они оставались в званиях, почему логика, методология и философия были важны для духовных академий, как они выходили из духовных академий, как они продолжали традицию светского философствования.

В 1947 вышел первый номер журнала «Вопросы философии». Он целиком был посвящён проблеме обсуждения зарубежной философии. Следующий том был уже собственно философский. «Вопросы философии» начали выходить как решение восстановить у нас философию. Где-то к концу 1930-х философию сократили до предела, философских факультетов не стало. Остались только во МЛИ небольшие группы. По разным причинам, прежде всего, идеологическим, философию заменили изучением краткого курса ВКПБ и написанного Сталиным. Нужно знать, когда восстановили философию: в МГУ это произошло в 1942 году, когда университет был в эвакуации в Ашхабаде.

В 1947 году было принято решение издавать не идеологический, а именно философский журнал. Это были «Вопросы философии». Во втором номере была статья Каринского о логике. В качестве места работы указали «Академия». То, что она духовная, в 1947 году опустили. Но его издали. Уже тогда желание восстановить традицию пробивалось сквозь любые запреты.

2.2. Работа по поиску исторических фотографий

Презентация издания состоялась в Русской христианской гуманитарной академии. Рабочая группа – ребята, которые нашли могилу Ивановского. Найти ее было очень сложно, дочери Ивановского оставили только описание в архиве и личных коллекциях. Ребята несколько раз ходили на кладбище и все-таки нашли эту могилу. Ивановского знают как психолога, но не знают как переводчика Милля, как человека, который впервые, еще до Казельника, поставил на русском языке вопрос о философской терминологии, об истории понятий. Именно Ивановский предложил исследовать понятийный философский каркас исторически.

На первом философском международном конгрессе в Париже именно Ивановский сделал доклад по философской терминологии и работал вместе с Лаландом над словарем французских философских терминов. Это значит, что была преемственная связь с европейской культурой, было общение с европейскими философами. И это для нас сегодня невероятно актуально.

Но что самое интересное - Трифонов монастырь в Вятке. Искали Каринского. В интернете была найдена статья о даче Каринских, которая находилась в Вятке. И написала ее правнучка Михаила Ивановича Каринского, Алена Васильева, известная художница. Она и сегодня пишет картины, очень много путешествует. Щедрина Т.Г. нашла через интернет ее телефон, познакомилась с ней, и она отдала архив своего прадеда издателям. Каринские собирают историю семьи, это девять колен генеалогии. Но философы ничего этого не знают, не ищут связи с биографами, не ищут связи с семьями.

Где нашли дневники выдающегося русского логика, принятого на западе, Васильева? В сарае, рядом с его домом.

Но, кроме того, что Щедрина Т.Г. нашла родственников Каринского, на одном из сайтов она обнаружила письмо внука Каринского своему другу. Он говорил, что его дед, Михаил Иванович Каринский, умер в селе Большая Субботиха, отбивался священником в Липерсольске и его брат захоронен в Трифоновом монастыре. А у нее докторанты из Вятки. Щедрина Т.Г. отправила им письмо: «Пожалуйста, сходите в архив Кировской области, найдите это письмо, потому что в документе было написано «Приложен чертеж». Но чертежа-то нет». Неизвестно, где похоронен Каринский. Щедрина Т.Г. попросила своих докторантов туда сходить, они прислали чертеж, фотографии. Говорят: «Татьяна Геннадьевна, видите, где шины валяются? Возможно, там захоронение Михаила Ивановича Каринского». Точнее невозможно было узнать. Трифонов монастырь в советское время был превращён в литейные мастерские, все надгробия были уничтожены и только недавно он был восстановлен, частично восстанавливаются надгробия, что-то, возможно, удастся перезахоронить. Но это уже дело будущего. Издатели открывают какие вещи, а дальше уже можно с ними продолжать работать на уровне краеведения, культурологических исследований.

Далее проходила презентация в музее Андрея Белого. Презентацию в музее Андрея Белого посетила Марина Густавовна Шторх, дочь философа Густава Густавовича Шпета. Это было одно из последних ее публичных посещений и она с

большим удовольствием слушала о серии и до самого конца своей жизни поддерживала издателей. Обсуждалась Маргарита Кирилловна Морозова, которая действительно сделала очень много для русской культуры. У них было большое чувство с Евгением Трубецким: они писали друг другу нежнейшие письма, посылали друг другу фотографии. Эта любовь породила очень много философского общения и философских изданий, в том числе издательство «Путь».

Состоялась презентация и в Чехии. Дочь Яна Паточки, Франтишка Соколова, пришла, чтобы услышать о русской философии. Так получилось, что ее отец получил книгу «Явление и смысл» Густава Густавовича Шпета, которую Шпет подписал у Гуссерля. Каким-то образом эта книга появилась в их семье, и потом уже она передала ее в архив Гуссерля в Леве. Никто не знал, что Шпет подписал эту книгу у Гуссерля. Такие находки дорогого стоят, но никогда такие случайности не случайны, именно потому, что мы хотим найти, мы их ищем. Бывает, что 10 лет приходится ждать находки, а бывает, что неожиданно просто так находится. Так случилось с письмом Гуссерля. Потому что основной корпус гуссерлевских писем был опубликован в 1990-е годы в «Логосе», а часть писем оказались завалившимися за какие-то шкафы у Елены Владимировны Пастернак, она тоже внучка Шпета. Это письмо потом нашлось и оно ценно тем, что оно позднее. И тем, что Гуссерль пишет о друзьях Шпета, которые дальше стали разрабатывать феноменологическую проблематику. И мы, таким образом, понимаем, что Шпет не прервал свои феноменологические исследования в 1920-е годы, что феноменологическая проблематика была близка ему на русской почве. Это доказывает данное письмо.

Известна фотография с директором Славянской библиотеки в Праге господином Вацаком и Петром Георгиевичем Щедровицкий, идейным вдохновителем и организатором серии. В руках у господина Вацака очень интересная книга, это книга Лосского. Он специально ее принес показать, когда издатели пришли на экскурсию в эту библиотеку. На развороте написано: «Дорогой Лидии Новгородцевой от Николая Лосского». 1941 год издания, раритет.

Другая важная тема: где жили русские философы. Щедрина Т.Г. специально посылала своих аспирантов в Прагу, организовывала им такие поездки через гранты для того, чтобы они могли прикоснуться к культуре. В Дейвице, в Праге есть дом, где жили русские философы, и церковь, где молились русские философы.

Если бы не чешские любознательные люди, которые хотели знать, где покоится Яковенко, мы бы не знали, где находится его могила. Они ухаживают сейчас за его надгробием. Существует организация «Русская традиция», где эмигранты поддерживают надгробия в полном порядке.

Можно остановиться на томе «Философия права: Новгородцев, Петражицкий, Кистяковский». Сегодня наша социальная ситуация такова, что мы должны осознать те правовые основания государства, в котором мы находимся, именно поэтому нужно уделить внимание философии права, которая покоится не только на жестком схоластическом рационализме, но и, как и вся русская философия, на любви,

понимании и на общении. Именно эти три слагаемых стали основаниями русской философии права. Они подтверждаются не только исследованиями, которые публикуются в данной книге, но также и теми историями, которые произошли. За каждой фотографией стоит отдельная история и отдельные люди, которые передавали в дар эти фотографии.

В изданиях есть фотография Екатеринославской гимназии, это фото А.Ю. Домбровского. Там учился Новгородцев. Но издатели не могут публиковать фотографию, найденную в интернете, без разрешения. Издатели специально зарегистрировались на украинском сайте «шукач» и обратилась к администраторам сайта. Они с большим удовольствием предоставили право публиковать эту фотографию и еще многие другие. Так же искали фотографию музея истории Крымского федерального университета. Новгородцев несколько месяцев работал в Крымском университете в 21 году, и там остались его книги, которые он оставил прежде, чем уехал из России. Сотрудники этого музея сделали фотографии этих книг и прислали для этой серии.

Казалось бы, с Украиной должны быть сложные отношения в рамках этой серии. Но это не так. Философы, – это люди культуры, которые объединяют сквозь все политические разногласия. И их задача заключается в том, чтобы найти эти духовные скрепы.

Издатели раздобыли фотографию дома, где учился Бердяев в Киеве. На стене филологического факультета Киевского Шевченковского университета сделали его барельеф. Готовится том о нем, и, конечно, хотелось получить фотографию этого барельефа. Издатели обратились через разных знакомых, через личные контакты. Они там человека, который пошёл и сфотографировал этот барельеф, несмотря на то, что в это время велись ремонтные работы.

Кроме того, что издатели постоянно общаются с разными интересными людьми, возникают также интересные находки в библиографии. В интернете ходит очень много библиографий, и они неверны. Например, у Новгородцева в интернет-библиографии есть книга, которая вообще не принадлежит его перу. Интернет обязательно требует фактической перепроверки. Там могут философу приписать слова, которые он не говорил, сфабриковать документы, которых не было. Одна из таких находок связана с газетой «Руль». В хронике Новгородцева написали, что он сотрудничал с газетой «Руль». В каком смысле сотрудничал? Может быть, была какая-то публикация или статья? Щедрина Т.Г. просмотрела все газеты, все номера вплоть до смерти Новгородцева. Не было ни одной статьи, только некролог. Но, однако, в четвертом номере этой газеты была анонимная заметка философа, который приехал из Крымского университета. Нельзя сказать со 100% знанием, но кажется, что это все-таки писал Новгородцев. Потому что он пишет: «Мои два старших сына» — а у Новгородцева как раз и было два старших сына. Бывают и более серьезные прозрения.

Есть фотографии, которые передала в дар Анастасия Коприлова, известная чешская исследовательница русской философии. Она передала фотографии с

Булгаковым на отпевании Новгородцева. Нам надо сказать спасибо всем людям, которые за нас собирают нашу историю. Например, захоронение Новгородцева из собрания журнала «Русское слово»: оно тоже в Чехии, и там тоже собирают русскую философию. В 16 году был юбилей Новгородцева, в РЭУ им. Плеханова установили его бюст и тоже разрешили его опубликовать в книге.

С Петражицким произошла сложнейшая история, потому что не сохранилось ни одного его портрета. Щедрина Т.Г. специально писала своим польским друзьям, чтобы они съездили на кладбище и сфотографировали его памятник, на котором написано: «Свет извечной истины, любви и права, источник которого открыт твоим гениальным духом, пусть служит тебе вовеки. Жена».

Мы не знаем, где был захоронен Кистяковский, у этого человека была труднейшая судьба. Юристы из Южного федерального университета захотели поставить символический крест на кладбище в Краснодаре, потому что именно в Краснодаре он умер и был похоронен. Он переписывался со Шпетом и писал ему: «Когда ты вилки даже не имеешь своей собственной, ты особенно дорожишь своими книгами, которые ты оставил в Москве. Скажите, как там наша библиотека?»

Каждый из 30 томов и каждая фотография – это отдельная история. Отдельная история автографа, отдельная история мест, где жили, отдельные истории книг, которые до сих пор бродят по европейским странам

Любопытна отдельная история о том, как автограф Толстого попал в швейцарский архив швейцарского психолога Клопоредда. Оказалось, что жена Клопоредда была дочерью русского философа Африкана Спира, который воевал вместе с Толстым в Крымскую войну, хотя они там не познакомились. Потом Спир эмигрировал и учился во Франции, в Германии, писал на французском языке, просил швейцарского гражданства. Но разрешение на швейцарское гражданство пришло ему в тот день, когда он умер. И он умер русским философом. Дочь Африкана Спира прочитала труды отца, увидела, что он ссылается на Толстого, и послала Толстому четырехтомник работ своего отца, который она опубликовала. Толстой получил, написал в дневнике: «Обман веры! Обман веры!» Действительно, у Африкана Спира самая главная идея, над которой он размышлял, – это проблема действительности, проблема символической реальности. И именно это оказалось близко Толстому, который как раз в этот момент работал над повестью «Хаджимурат». И эта повесть в своем философском основании во многом перекликается с идеями Спира. Елена Клопоредда переписывались с Толстым, их переписка опубликована в одном из томов собрания сочинений Толстого. Потом Клопоредда пригласили на психологический конгресс в Москву, они поехали в Ясную поляну и встретились с Толстым практически перед самой его смертью. Они увезли на память оттуда автограф великого русского философа и писателя. Вот такая история, а все начиналось с маленькой подписи Толстого, сложенной в конверт. Разворачивая этот конверт, начинаешь разворачивать историю.

2.3. Издание собрания сочинений Шпета

Щедрина Т.Г. издала 12 томов собраний Шпета, и эта работа была очень сложная, прежде всего, потому, что она велась с черновыми материалами, приходилось догадываться о том, что не лежало на поверхности. Поиск – это всегда интуиция, это всегда отклик Другого. Это исследования архивов, это исследования философских судеб, это исследования идей. И гигантский массив еще не тронутого материала.

Работа издателей серии «Философия России первой половины XX века» связана с тем, что восстанавливается преемственность русской философской традиции. В этой серии публикуются не только исследования, актуальные сегодня, но и публикуются все библиографии, хроники. Видно, где есть лакуны: одно дело, когда хронику Флоренского издают на четыре печатных листа, а Вениамина Михайловича Хвостова на одну страницу. Это совсем не исследованный философ истории, историк, который потом стал социологом, который открыл институт социологии. Но мы о нем ничего не знаем, кроме того, что он в 20 году покончил жизнь самоубийством. Оказалось, что у него тоже есть родственники. Щедрина Т.Г. их нашла, они дали ей фотографию. Очень много томов, где хроники пришлось восстанавливать из мельчайших деталей, буквально основываясь на архивных материалах.

Томов с Густавом Густавовичем Шпетом пока 12, готовятся еще три тома. Это 13-й том — «Феноменологические штудии», 14-й том — «История философии», 15-й том — письма и черновые материалы. Первое, что Щедриной Т.Г. удалось найти в 2004 году, – его дополнение к «Герменевтике». Это оказалась книга «Язык и смысл». Он долгое время работал над большими формами, и когда он уже в 1920-е понял, что не сможет опубликовать в той форме, в какой хотел, потому что не хватает бумаги и нет денег, он стал вытаскивать куски из своего большого труда «История как проблема логики» и публиковать их отдельно. Так родилась книга «Герменевтика и ее проблемы», так родилась книга «Язык и смысл». Эти вещи опубликованы в первом томе 2004 года «Мысль и слово. Избранные труды». Второй том вышел в 2005 году. Получалось, что каждый год выходило по тому на 500 страниц каждый, с большими комментариями на десять печатных листов. Издателям приходилось держать в руках тончайшие первоцветы, которые посылал Густав Густавович Наталье Константиновне. Они писали друг другу каждый день, когда расставались. Всю свою жизнь. И эти письма опубликованы во втором томе.

Была и детективная история. «Заметки о музыке» нашлись в отделе рукописей Российской государственной библиотеки — просто конспект. Как это распознать? Откуда эти цитаты? Щедрина Т.Г. долго не могла понять, пока, наконец, на одной из страниц, не увидела в середине надпись «Ф.». Значит, это заметки о книге какого-то Ф. Она думала о том, кто же этот «Ф.», кто мог написать о музыке, о внутренней форме музыки, и чтобы это перекликалось со Шпетовской проблематикой. Вдруг неожиданно как молния в голову: она понимает, что в РГАЛИ хранится рукопись Файндберга Самуила Евгеньевича, который написал книгу «Судьба музыкальной формы. И в

каталоге было написано: «С пометками Шпета». Это действительно оказался конспект рукописи Самуила Евгеньевича Файндберга.

В серии был том «Плеханов – Ленин». Была подготовлена серия статей, написанных зарубежными марксистами, и их переводы. Цитаты Ленина шли как перевод с английского. На эту мысль навело место, где Ленин воспроизводит рассуждение Гегеля: «Идентичность и различие». Какая идентичность может быть? Тождество и различие. Это был обратный перевод. И тогда пришлось по этому тому перепроверять 100 цитат. У издателей по первоначальному варианту было посвящено 6 листов Плеханову и более 20 Ленину. Но Плеханов – предшественник Ленина, Плеханов – русский марксизм. Пришлось потратить массу усилий, чтобы найти работы о Плеханове. Работы типа «Плеханов и Вебер», сопоставление, философское, с анализом. А написал, как потом выяснили, Кушинов, президент Адыгеи. Сначала он был ректором университета, а потом стал президентом Адыгеи.

Марксистскую традицию мы немедленно забыли. Розанов писал, что все русские люди были такими верующими, а потом все резко стали неверующими. То же самое произошло с традицией марксизма. У нас был целый институт марксизма-ленинизма. Но мы не смогли передать необходимость исторического взгляда. Да, можно не уважать предмет, можно спорить с ним, критиковать, но не свергать как идола. Это есть в культуре, и к нему нужно относиться ответственно.

В томе о Толстом тоже была ошибка, основанная на том, что английский автор цитировал английского Толстого. Он выстроил концепцию Толстого на английском по проблеме расы. А в русском тексте Толстого вообще не об этом была речь. Редактору пришлось править его концептуальную установку для того, чтобы избежать этой неверной интерпретации. И оказалось, что современные марксисты аисторичны. Их не интересует исторический Ленин: их интересует диалектика, но не тот историзм, который должен стать методологическим основанием работы историка философии. Именно так работал Шпет, и об этом свидетельствует его «Очерк развития русской философии».

Лекция 3. Кирабаев Н.С. Идеал знания в классической арабо-мусульманской культуре и философии

3.1. Четыре источника знания в исламе

Под эпохой классической арабо-мусульманской философии понимается период с VIII по XIII век. Некоторые исследователи заканчивают период концом XV века, когда турки завоевали Византию, но новый этап пришел в уже XIII веке, после того как монголы разрушили северную часть Арабского Халифата в 1250 году. Этот «золотой период» проявляется в том, что многие термины и понятия, известные сегодня, появились тогда. Например, «алгебра» — это арабское слово, основатель алгебры — Аль-Хаварезми. Основатель оптики — Абу-Хайян. Тогда же были открыты многие направления физики, алхимия. «Аль» — это определенный артикль, то есть алхимия — это химия, экспериментальная наука об изучении материалов. Даже слово «магазин», которое мы считаем русским словом, пришло к нам через французский язык, «хазан» — глагол «хранить», а «махазан» — «место, где хранят», то есть магазин. Масса терминов — «адмирал», «генерал», «кофе» — пришли из этой культуры. Все знают знаменитую литературу Саади, Руми, Хафиз, Омара Хайяма. Все это дал тот золотой период.

До недавнего времени на философском факультете работал Василий Васильевич Соколов. Он написал книгу «Философия как история философии», в ней показана логика историко-философского процесса. Там всегда задается один очень важный вопрос: почему он в этой логике историко-философского процесса не предусмотрел место для Индии и Китая? Там нет ни Индии, ни Китая, но есть большой раздел по арабо-мусульманской философии, по еврейской философии, в особенности средневековой. Так произошло, потому что арабо-мусульманская культура являлась частью средиземноморской культуры. С одной стороны Ближний Восток связан с нами, а с другой стороны Северная Африка — это наследие Римской культуры, Карфаген, а сегодня там Тунис, Алжир.

Представления о знании в исламе значительно отличаются от того, что мы сегодня знаем еще и потому, что мы пользуемся терминологией, которая пришла к нам из европейской христианской традиции.

В исламе нет института посредничества между Богом и человеком. Институт посредничества между Богом и человеком в виде Папы, Вселенского собора или института Церкви — такого в исламе нет. Если в исламе нет такого института, как церковь, то нет института рукоположения. Если нет института рукоположения, значит, нет института таинства. Если этого всего нет, то кто определяет, что есть ортодоксия, а что не есть ортодоксия, что есть ересь, а что не есть ересь? В христианском понимании ни ортодоксии, ни ереси в исламе не было. Право определять, что истинно, что не истинно, остается за каждым конкретным верующим.

Когда Кирабаев Н.С. был на стажировке в Каире в первый раз в 1986 году, он в их центральной газете «Аль-Ахрам» увидел статью журналиста, который сильно

критиковал Муфтия Египта. Муфтий – это высшее должностное лицо, выборный священнослужитель в исламской традиции. Кирабаев Н.С. удивился тому, что журналист, рядовой верующий, критикует высшее духовное лицо в его интерпретации Корана. Стало понятно, что этот принцип сохраняется и на практике. Если нет института церкви, за кем право нормотворчества или законотворчества в исламе? Оно остается за Аллахом (Богом) в виде его откровения, которое мы знаем в формате такого феномена как Коран. Коран – это богооткровенное изложение, которое Пророк продиктовал Мухаммеду. Это первый источник и знания, и действия. Раз нет института церкви, ислам формировался в борьбе за государство, в отличие от христианства, которое формировалось в борьбе против Римского государства. А значит, в исламе существует одна особенность, которой никогда не было в христианстве: в исламе законным образом существуют религиозный плюрализм и правовой плюрализм. Религиозный плюрализм – потому что простому человеку нельзя определить, что есть истина в религиозных текстах, отсюда – масса движений: суннизм, шиизм, хариджизм, в шиизме и суннизме масса своих направлений. И, с другой стороны, правовой плюрализм, – потому что, когда формировалось государство, единственным источником формирования был тот же Коран и еще предания о том, что делал Мухаммед по тому или иному случаю. Этот сборник рассказов о том, что он делал, стал называться Хадисами. Коран и Хадисы в сумме дают Сунну. Понятие «Сунна» – «правильный путь». Плюс еще два источника знания, которые есть в исламе – это аналогия и логика. Раз даже халиф или эмир не могут творить законы, то значит, они должны найти такое место в Коране и по аналогии проинтерпретировать, как нужно поступать в этом случае. Это называется прецедентное право. Если прецедент когда-то был, то по аналогии можно вынести решение и в данном случае. И четвертый источник знания – это единодушное мнение авторитетов религиозного знания.

4 источника знания в исламе: Коран, Сунна в широком смысле слова, аналогия и логика, единодушное мнение. Других источников нет.

Вся история Арабского халифата начинается с 622 года, с момента бегства Мухаммеда из Мекки в Медину. В 911 году уже была завоевана Испания (Испания была дольше под исламом, чем сегодня под христианством), была завоевана Сицилия, на севере они дошли до Пуатье и были там разбиты, и завоевали огромный кусок территории Индии. Поэтому то, что сегодня называется Пакистан, Бангладеш, Кашмир – это вся та часть, куда пришел ислам. Его особенность в простоте культовой ритуальной части. Нет таких сложных обрядов, которые есть в христианстве.

Еще одна важная вещь, которую говорил известный швейцарский исламовед Адам Мец: вплоть до XI века веротерпимость в исламе не знала себе других примеров. Христиане и евреи, которые сохраняли свои общины, свое право на религиозные суды, органы управления, просто платили за это налог. Этот налог накладывался на них как на иноверцев, но они имели право верить и судиться по своим правилам. Эта веротерпимость идет из Корана, в Коране написано: «Уважай людей священные книги». Священными книгами считались Талмуд и Библия.

В чем-то ислам похож на протестантизм. В исламе за всю историю его развития, пожалуй, как за всю историю протестантизма, не было дискредитации религии через институт церкви, как это произошло в католицизме. Мы знаем, что последствие этого – Великая Французская революция. Можно вспомнить Вольтера: «Давите эту гадину-церковь». Но в то же время Вольтер говорил, что если бы не было религии, то ее надо было бы придумать.

Следующий важный момент связан с тем, что исламизация во время завоевания привела к тому, что народ стал адаптировать чужестранную культуру и науку. А так, как прямых запретов на адаптацию не было, то такой чужестранной наукой, адаптированной на территории Арабского халифата, стала античная культура и античная философия. Любой профессор философии из арабского мира на вопрос о Первом учителе философии ответит: «Аристотель». А Платон – это божественный философ. Философская традиция античности завоевала очень важное место в истории этой культуры. Авиценна умер в 1037 году. До XVIII века «Канон врачебной науки» Авиценны был настольной книгой каждого европейского медика. А его философские книги были переведены на латынь в XIII веке и оказали огромное влияние на развитие христианства. Было такое направление, как авгунистизирующее авиценнианство. Это как раз связано с учением Авиценны, а Фома Аквинский и Альберт Великий уже интерпретировали Аверроэса.

3.2. Категории арабо-мусульманской культуры

Категории культуры очень важны для правильного понимания иной культуры. Например, русский человек не знает китайского, но знает такие термины, как «Янь» и «Инь», знает такое понятие, как «Дао». Но для него это именно категории культуры, а для того, чтобы он понял их как категории философии, он должен проникнуть в их суть. Пятигорский говорил, что есть понятие «Атман», и он не может его перевести. Не потому, что плохо знает санскрит, английский или русский. А потому, что есть такие понятия, которые в иной культуре можно передать только образом, символом. Китайская культура особая, это культура символического мышления. Арабская культура – это все-таки культура средиземноморской цивилизации. Первые два понятия, которые будут служить гидом для понимания философских теорий на Арабском Востоке – это понятия «экзотерическое» и «эзотерическое» знание.

Эзотерическое знание – это внутреннее знание, оно пришло из ислама. Например, шииты – сторонники внутреннего понимания Корана. Они говорили, что у Корана есть внутренний тайный смысл, который надо найти, прочитать и проинтерпретировать. И есть сунниты, которые говорят, что в Коране все ясно и просто написано. Одни стали назваться захиритами – это те, кто придерживается внешних буквенных представлений, духобуквы. И есть те, кто придерживается дух-духа, это шииты или батиниты. Великий Аль-Фараби, который называется Вторым учителем, аристотелик, восточный перипатетик, написал всего лишь две книги для философов и логиков, а остальные

написаны для широкой публики. Получается, что эзотерическое знание – для избранных, а избранными являются философы и логики. То есть, не по социальному принципу, а по принципу того, как человек может приобщиться к добродетели, к истинному знанию. А широкой публике надо давать истины философии в виде притч, бредней и рассказов. Вот уже две парные категории: избранные и широкая публика, внешнее и внутреннее, или экзотерическое и эзотерическое.

Аверроэс, или Ибн Рушд, говорил немного по-другому, но это уже быда середина XIII века. Он говорил, что сам человек в силу своих способностей поймет в работе то, что он способен понять. Эзотерический текст у Аль-Фараби – это его книга букв, где идет анализ работ Аристотеля и из этого делаются новые выводы в развитии категорий, потому что первым структуры категорий и категориальный аппарат как систему для философии сделал Аристотель.

Третья пара категорий. Пример из Аверроэса, который он приводил в своей работе «Рассуждение о соотношении философии, религии и теологии». Он говорил, что всякий раз, когда истины откровения входят в противоречие с истинами разума, истины откровения требуют аллегорической интерпретации. Что такое аллегорическая интерпретация в данной интерпретации? В великой ирано-таджикскую поэзии – Руми, Хафиз, Саади, Омар Хайям – есть очень много образов и аллегорий. Аллегорическая интерпретация позволяет приводить истины разума в соответствие таким образом, чтобы они не противоречили откровению. Аверроэс говорил, что истина одна и для простого верующего, и для философа, который тоже верует, но является избранным. У каждого свои возможности понять. Один понимает истину в рамках религиозного мировосприятия, а другие понимают ее на уровне небесного покровительства, потому что аристотелевская метафизика как божественная наука продолжает свое шествие в рамках восточного перипатетизма. Эта аллегорическая интерпретация, которая тоже пришла из текстологии, связанной с Кораном, становится для нас очень важной.

И еще одна важная категория, которую нужно иметь в виду. Ее действительно иногда трудно принять, потому что эта категория более нравственная – знание как категория культуры тоже имеет нравственный компонент. Эта категория переводится с арабского «такыйя» как «сознательное сокрытие своих истинных взглядов». В 922 году был казнен суфий Аль-Халладж. Его казнили за то, что он сказал «Я есть истина», то есть, приравнял себя к богу. Это возможно как интенциональное намерение, но это невозможно как онтологическое слияние. И поэтому его в 922 году казнили. После этого суфии ввели понятие «такыйя» или, если его правильно перевести, то это в определенном смысле «истинное лицемерие»: вы не говорите о своих истинных взглядах. Поэтому в свое время Аверроэс критикует известного философа, представителя суфизма, одного из самых плодотворных представителей Востока Аль-Газали за то, что тот вынес философские вопросы на суд широкой публики. Философские вопросы не должны выноситься на суд широкой публики. Это специфика, обусловленная социально-политическими обстоятельствами. Аль-Газали считал, что для широкой публики нужны отдельные работы, например, его

автобиография, – этот жанр со временем стал философским жанром – в которой он описывает, как он пришел к тому, что стал известным мыслителем суфием. Все эти характеристики культуры во многом определили основные проблемы, основные вопросы классической философии мусульманского Востока.

3.3. Арабо-мусульманская культура как результат кросс-культурного взаимодействия

Арабо-мусульманская культура стала результатом кросс-культурного взаимодействия. Период эллинизма – два века, а период эллинизма, включая римский период, – почти восемь веков – это эпигонство того, что было в период эллинизма, в период Платона и Аристотеля. Этот момент представляется очень важным, потому что для арабо-мусульманской философии развитие культуры все время шло в диалоге с другими культурами. Знаменитая поэма «Калила ва Димна» – это переиначенная индийская поэма. Переводы Аристотеля, Платона, античности, по которым училась вся эпоха Возрождения – это были переводы с арабского языка. Уже позже, в конце XVI – начале XVII века Европа узнала античность в оригинале. Поэтому у культуры было всегда два лица: эллинизм и ислам. Мусульманская культура как двуликий Янус то поворачивалась к европейской культуре, то поворачивалась к мусульманской культуре, уже ориентируясь на азиатскую часть. Арабо-мусульманская культура как результат кросс-культурного взаимодействия многое вбирала из христианства. Настрой на взаимообогащение культур идет с VIII века. В 833 году жил великий халиф Мамун. Он основал Дом мудрости, в котором собирал переводчиков, которые переводили Аристотеля, Платона, медиков, стоиков, переводили с персидского языка, с санскрита. Это движение стало зваться переводческим движением. Большую роль в этом сыграли сирийцы, они многие работы переводили на сирийский язык, а с него – уже на арабский. Поэтому арабский язык со временем становится таким же ключевым языком для понимания культуры, как латинский был для средневековой Европы. Поэтому культуру лучше называть не арабоязычной, а арабомусульманской. Язык арабский, а носители – представители всех народов, которые там были. Из той плеяды блестящих философов, деятелей культуры, литературы, поэзии самих арабов было же очень немного. Это были персы, это были турки, это были евреи. Ибн-Габириоль писал арабской вязью. Эти моменты становятся важными для понимания того, что в этот ключевой период, воюя с христианским востоком, арабомусульманская культура, тем не менее, постоянно взаимодействовала и обогащалась – наука не терпела ограничений. Как и сегодня, тогда наука не знала границ. Образование в нашем понимании требовало университетов. Первый университет Аль-Азхар – один из старейших университетов в мире – сегодня напоминает любой католический университет в штатах или Европе. Там есть и аграрный факультет, и физико-математический, и филологический, и в то же время факультет религиозных наук. Аль-Азхар образовался в 970 году. В конце XI века визирем Низам аль-Мулькой было создано еще три университета: они так и

назывались: университеты Низами в Нишапуре, Багдаде и Бишкеке. Образование считалось очень важным элементом. Священнослужители должны были избираться по принципу знания религиозных наук и светских наук. Поэтому есть термин, который очень близок в содержании и смысле к предшествующему греческому термину «пайдейя» и последующему термину эпохи возрождения *humanities* – на Арабском Востоке, так как монополии на знание у авторитетов религиозного знания не было, в отличие от Европы. Автор «Имени розы» Умберто Эко написал замечательный учебник по истории средних веков, но так как студенты сказали, что очень скучно слушать и читать такой учебник, он написал роман с детективным сюжетом о том, каким образом церковь, тогда это папство, скрывала Аристотеля от других любопытных людей. Это философская часть, и поэтому слипшаяся страница, отравленная ядом, – это форма защиты этого знания. Всего этого не было на Арабском Востоке. Там философия никогда не была служанкой теологии. Теология – понятие условное, потому что если нет ортодоксии и ереси, то нет узаконенного богословия. Есть Коран, есть Сунна, а узаконенной интерпретации нет. Поэтому сказать, что я правоверный, а ты не правоверный, нельзя. Из этого вытекает очень важная вещь о том, что, привлекая ценности и многие моменты других культур, их вписывают в свою культуру. Главное, чтобы это не противоречило основным положениям ислама. Здесь есть одна интересная вещь, которую открыл известный специалист по арабо-мусульманской философии Артур Владимирович Сагадеев. В нашей литературе, как и в западной, считается, что Аверроэс очистил восточный перипатетизм от налета неоплатонизма. Это было связано с тем, что Аль-Фараби в своей классификации наук Аристотеля, приписал Аристотелю две работы: «Теология» и «Причинность». «Теология» – это 4-7 парафразы Плотина, а «Причинность» – это вообще неоплатоническая работа. Для чего он это делал? Аль-Фараби ввел понятие эманации, которое позволило совместить восточный перипатетизм с исламским креационизмом. Все проистекает из Единого, то есть, из Бога эманурует весь мир. Причем в самой работе о классификации наук Аристотеля у него этого нет. Он сознательно и умышленно приписывает Аристотелю, потому что была такая эпоха. Аверроэс жил на западе Арабского Востока, в мусульманской Испании, там не было ситуации, при которой надо скрывать эти взгляды. И поэтому он прямо говорил, что у Аль-Фараби мы отнимаем эти неоплатонические работы и Аристотеля берем таким, какой он есть.

С Аверроэсом связана еще одна очень важная идея. Аверроэс на западе известен через своих латинских аверроистов, а вот аверроистов на Арабском Востоке не было. Теории двойственной истины, которую приписывают Ибн-Рушду, не было. Она была придумана для того, чтобы интерпретировать Ибн-Рушда, великого комментатора Аристотеля, для другой эпохи, других идеологических условий. Получается так, что в интерпретации Аверроэса есть истины религии, есть истины науки, которые сделали его последователи, а у Аверроэса истина только одна, у нее нет деления, просто возможность познания. Это называется парадоксом Аверроэса. Арабский Восток знал Аверроэса, но не знал аверроизм, а Европейский Запад знал аверроизм, но практически

не знал Аверроэса. В библиотеке Американского Католического университета есть 12 томов переведенного на латынь Аверроэса. Первая работа была еще XIII века, сейчас создано 12-13 томов, но они все с предисловием комментаторским Этьена Жильсона. Он дает свою трактовку того, как надо приспособить Аверроэса как комментатора Аристотеля. В России издана работа Этьена Жильсона «Средневековая философия».

Еще одна важность, которая сыграла большую роль для философии, – это понимание того, что ислам больше религия города, чем религия сельской жизни. Такой пример: в VIII-X веке в Багдаде, Басре и Куфе было жителей почти 600 000 в каждом городе. В Париже на тот момент было около 20 000. Считается, что в Кордове, то есть мусульманской Испании, жило уже до 1 миллиона человек. Мы знаем это по знаменитой арабо-испанской поэзии. Еще важный фактор развития городов – это библиотеки. О библиотеках арабского мира всегда ходили легенды. Например, в мусульманской Испании был халиф Аль-Хакам. Его библиотека насчитывала 400 000 томов, а книгопечатания еще не было. Традиция переводческого движения с начала IX века по начало XIII века, развитие библиотек – это говорит о том, что знание имело более широкую аудиторию. В Испании даже были школы для девочек. Были школы для бедных родителей, заботу на себя брало государство. Поэтому появилось два понятия «адаб» и «адиб». Адаб – это система норм образованности, утонченности, а адибы – это носители этих норм. Это то, что мы приблизительно связываем с понятием humanities. Есть жанр, известный по «1000 и 1 ночи», он называется «княжье зеркало». Это жанр легких рассказов о жизни, притч, легенд. Их было очень много, и они практически все были не религиозные. Они были назидательные, повествовательные. Особенность заключалась в том, что широкий круг просвещения был очень важен для культуры. Например, Аверроэс получил должность придворного врача (а многие философы Арабского Востока были врачами) после дискуссии, которую он выиграл по знанию работ Аристотеля. Выиграл у представителей того, что мы называем теологией.

Аналог того, что есть теология в христианской лексике, – понятие «калам». Мы его переводим как «спекулятивная теология», потому что догматической теологии нет. Нет органа, который утвердил бы это как догматическую теологию, установил бы, сколько джинов уместится на кончике иглы. Представители спекулятивной теологии хорошо пользовались логикой и знали Аристотеля, они знали Демокрита, они знали Эпикура. У них две трети работ были посвящены естествознанию, а одна треть работ – по рациональному доказательству того, что Бог есть. Поэтому они называются спекулятивными теологами – их задача была не в том, чтобы найти истину, а в том, чтобы доказать всемогущество Бога. В связи с этим произошла одна интересная история, которая нам помогает понять социальную стратификацию, которую придумали философы же. Берут Аристотеля в интерпретации Александра Афродисийского, это I век нашей эры, Александрия. Считается, что есть 5 видов суждения (и знания на его основе): аподиктическое, диалектическое, риторическое, софистическое и поэтическое. Аподиктическое знание – это знание, когда и малые, и большие посылки истинны. Аподиктическим знанием обладали только философы и

логики. Спекулятивные теологи обладали лишь диалектическим знанием, а диалектическое знание – это вероятностное знание. Поэтому у Аверроэса есть даже такое пожелание о запрете представителям спекулятивной теологии, или калама, заниматься философскими вопросами, чтобы не смущать широкую публику. Этот момент представляется очень важным, потому что диалектика привносится в Аристотелевском понимании. Одна из посылок – вероятностная. Риторическое суждение, как и софистическое, и поэтическое к истине отношения не имеют. Они имеют отношение к степени убеждения человека в том, что он прав. Поэтому широкая публика пользуется поэтическими и софистическими суждениями и этим довольствуется. Аверроэс все это повторяет. После Аль-Фараби он находит эту дискуссию и тоже, как Аль-Фараби, создает идеальный город по Платону. Обществом правят философы, но в отличие от Платона, у Аль-Фараби есть понятие добродетельной религии. Добродетельная религия – это истины философии, выраженные на другом языке, на языке религии. Поэтому, приобщая широкую публику к истинной религии, мы на самом деле приобщаем ее к истинной философии в образной широкой форме. Этот момент проявляется и сегодня, когда вы читаете книги.

3.4. Великие философы Арабского Востока

Аль-Фараби, Авиценна – самые крупные представители перипатетической мысли. Ибн-Туфейль на западе мусульманского Востока – удивительный человек, написавший много книг, но осталось только одна его книга. Эта работа, написанная в XII веке, напоминает по своему сюжету книгу Даниеля Дефо «Робинзон Крузо». Мальчик попадает на необитаемый остров, познает этот мир, познает, кто он есть, живет в этом мире, появляется свой Пятница, он с ним беседует. Только это написано художественно-философским языком. И там есть одна интересная идея, когда он говорит о пророческой религии и об истинной религии. Истинная религия для него – это философская религия, а пророческая религия – это религия традиционная. И когда его Пятница говорит: «Слушай, ты же все правильно рассказал, ты объяснил этот мир, ты объяснил причинно-следственную связь, ты объяснил, как появляется жизнь, давай пойдем на материк, и ты им расскажешь истину». Он пошел, и его забросали камнями. Почему? Потому что он говорил на языке, который был не понятен широкой публике. Работа называется «Хай ибн Якзан» («Живой сын бодрствующего»). На русский язык ее переводили трижды, первый перевод был довоенный, арабиста Кузьмина, он был с французского языка. Потом перевел Фельштинский, и потом был перевод Сагадеева.

Потом был знаменитый Ибн-Баджа, или в латинской Европе его называли Авенпаца. Авенпаца известен тем, что считал, что истина доступна только отдельному человеку, он ей поделиться не может, философская истина и философия – это удел одиноких людей. То, что сделал Ибн-Туфейль, – ввел практически экзистенциальную истину о том, что философ не может поделиться истиной, – это идея одиночества.

Потом уже появляется знаменитый Аверроэс, он как раз проложил дорогу между востоком и западом Арабского Востока. Аверроэс дал новое вдохновение и новое прочтение той социальной истории, которая будет после него. Потому что Аверроэс тоже писал об идеальном государстве, о роли закона, о роли религиозного закона. Шариат – это не свод законов, это не книга, которую можно поддержать. Это кодекс верующего, который основан на Коране, Сунне, аналогии и логике и единодушном мнении представителей религиозного знания.

И, завершая этот этап внимания к знанию, появляется знаменитый Ибн-Хальдун. Ибн-Хальдун, к сожалению, не получил в нашей традиции широкого освещения. В Европе он больше был освящен, есть переводы – у нас все еще их нет. Он известен своей работой «Мукаддима» («Введение», если перевести дословно). Он написал книгу о знании людей и их истории. Арабские мыслители считают его арабским Марксом, у него действительно есть понятие прибавочной стоимости. Его считают основоположником цивилизационного анализа, у него действительно появляется слово «цивилизация». Он дает этимологию этого слова, это происходит от слова «гражданство», «гражданин» и так далее, и потом это все появляется в латыни как «цивил». Откуда появилось слово «цивилизация»? Цивилизация – это иной способ жизни человека по сравнению с эпохой варварства. Мы все время считали, что это наш замечательный Фридрих Энгельс и Иосиф Дицген нам принесли деление истории на варварство и цивилизацию, а их Ибн-Хальдун еще в XIV веке разделил. Причем, каким образом он представляет себе цивилизацию, чем цивилизация отличается от эпохи варварства? Она отличается экономическим способом добывания средств жизни. Когда у вас есть цивилизация – это города, это культуры, а варварство – это сельский образ жизни, то, что в традиции цивилизационного подхода называется первобытнообщинным строем. Он считал, что переход зависит от того, когда появляется излишек после обмена товарами – экономическая ситуация Маркса или Адама Смита, но написанная в XIV веке. Ибн-Хальдун впервые дает понятие об исторических законах. Он считает, что общество развивается по тем же законам, что и природа, только эти законы надо найти. Отсюда – его учение о возникновении государства, оно очень похоже на учение о «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Государство появляется, когда у вождя племени появляется необходимость более широкого завоевания, потом, чтобы удержать это племя, он создает более широкую вооруженную часть людей, эта широкая часть людей создается на основе кровно-родственных отношений. Потом эти кровные родственники пытаются его свергнуть, он создает наемную армию. Государство формируется как наемная армия, как аппарат, который будет собирать налоги, а экономическое процветание Арабского Востока было связано с мощной системой налогообложения. У него есть замечательные страницы о соотношении государства и общества. Для него общество – это общество культуры. Когда же наступает эпоха культуры? Практически все арабские халифы собирали известных мастеров, ученых в свои дворы. Отсюда появляется много придворной литературы, многие трактаты, в том числе медицинские.

Ибн-Баджа был медиком, Ибн-Туфейль был медиком, они и Аверроэс привели тоже как медика. Понимание того, что мировоззрение медика помогает ему в развитии естественных взглядов, становится очень важным. Почему Арабский Восток – это эпоха эллицентричности? Ибн-Хальдун показал переход от варварства к цивилизации, от некультурных форм к культурным формам и к процветанию городов. Но он так же как Шпенглер сказал, что государство в своем развитии будет проживать 4 этапа: этап детства, юности, зрелости и старости. Это период династий в государстве, они будут меняться каждые 300 лет. По крайней мере, для эпохи Романовых его предсказание сбылось.

С ним была очень интересная история. Ибн-Хальдун попал в плен к Тамерлану, когда тот завоевывал Дамаск. Войска Тамерлана стояли перед Дамаском и к нему привели Ибн-Хальдуна как известного мыслителя, ученого, правоведа, он был представителем крайнего толка права в Египте – это ханбалитский толк. Тамерлан его спрашивает: «Ты, говорят, великий ученый. Расскажи мне то, чего я не знаю». Как всякий восточный человек, воспитанный в духе изысков, он начал говорить: «Ты у нас солнце солнц, звезда звезд». Тамерлан отвечает: «Я все это знаю. Чего же я не знаю?». Он ответил: «Сегодня твоя армия стоит перед Дамаском, она самая сильная. А вот через 20 лет твоя армия не будет стоять перед Дамаском, и внутри стоять не будет, и вообще твоей армии не будет. Это судьба всех империй. Они на взлете создаются, но каждая империя переживает свой апогей». Тамерлан сказал, что подумает, что с ним сделать, и Ибн-Хальдун сбежал из этого плена. Когда он описывает эту историю, он говорит уже тем, кто планирует стать руководителем военных армий. Он говорит в качестве назидания, что если не знать исторические законы и законы развития обществ и государств, правители будут иметь огромные проблемы. Расцвет культуры у Ибн-Хальдуна был связан с тем, что он зачастую приходит во время кризиса, в годы борьбы с коррупцией. Этот момент представляется очень интересным и важным.

3.5. Суфизм

Последнее направление, которое сегодня знают больше как мистическое направление в мысли мусульманского Востока, называется суфизм. По суфизму у нас уже много разных книг издано, но в них очень много домыслов, очень много приписываний от себя. В тот исторический период было два великих суфия: Аль-Газали и Ибн-Араби. Особенность Аль-Газали заключалась в том, что он очень хорошо знал перипатетическую философию. Его первая работа так и называлась: «Цели философов», где он систематизирует перипатетическую философию, аристотелевскую и арабскую, для того, чтобы написать потом вторую книгу. Но так как предисловие к первой книге было утеряно, в Средневековой Европе его считали перипатетиком. Так считал даже Фома Аквинский. А вторая его книга называется «Непоследовательность философов», где он говорит о том, что философы, пытаясь обосновать знание теоретическое, привели его в несоответствие с истинами практического разума. Аль-

Газали по очень многим вещам близок к Николаю Кузанскому. Во-первых, он говорит о том, что должно быть единство чувств, разума, интуиции. Интуиция, конечно, бывает интеллектуальной, но он пишет об интуиции мистической, потому что считает, что особенность человеческого мировосприятия заключается в том, что суфий может увидеть мир в его целостности и разума здесь недостаточно. С других позиций он рассказывает фактически кантовскую идею о сферах компетенции разума. Разум хорош в философии, в логике, в метафизике, но разуму нечего делать в религии. В религии есть место вере. У Аль-Газали есть критика авторитетов религиозного знания, которые сводят веру к так называемой слепой веры. Есть и понятие философской веры: на поле знания интуиция, вера и разум взаимодополняют друг друга, обогащая наше знание. Вот это и есть истинное знание, которым должен обладать человек в его движении к этой истине. Идеал знания суфия – достичь божественных знаний. Каким образом? В поэзии обсуждается знаменитая бабочка, летящая на горящую свечу, которая в ней погибает – это вся ирано-таджикская поэзия, этот мотив там работает. Это значит, человек идет в своей жизни, с нравственной точки зрения у него происходит ощущение, он проходит ряд ступеней «макам», на каждой ступени он становится более знающим, это очень важный момент, это гносеологический путь достижения истины. А вот онтологического пути нет. Потому что приближены к Богу, как говорил Гуссерль, интенционально, есть направленность на это, и суфий растворяется в знании Бога, вот тогда и становится человеком. Аль-Газали был еще и известным поэтом, он описывает это как во сне. Когда вы спите, вы живете, но как будто в другой жизни, по другим правилам. Когда вы просыпаетесь, вы помните, что вы видели что-то такое замечательное, а вот что именно вы видели, вы не всегда сможете вспомнить или не всегда сможете сформулировать это. Поэтому очень важное значение для понимания Аль-Газали и для суфизма вообще имеет аллегорическое понимание. Суфии считали, что этот мир – это мир зла и для того, чтобы человеку выйти из этого мира, ему надо самосовершенствоваться. Эта идея самосовершенствования человека является ключевой идеей самого суфизма. В нашем понимании это дервиш, но в исламе нет монашества, потому что монашество – это в церкви. А дервиш – это человек, суфий, это его образ жизни. Удивительное лицо дервиша написал Верещагин во время похода Брусилова в Среднюю Азию. У него есть дервиш на фоне входа в мечеть. Огромная вырезная дверь почти в традициях «1000 и 1 ночи» и лицо дервиша, он сидит, его одежда, видится его одухотворенность. Эта одухотворенность и империя духа, как считают суфии, становится очень важной. Аль-Газали поэтому называют «оживителем» веры, потому что он через суфизм внес в ислам то, чему ислам противился. Он считал, что лучше всего понимать Коран под музыку, он писал особую часть своей работы, которая была посвящена процессу слушания музыки, он считал, что каждый образованный человек должен знать музыку как элементарную грамоту и тогда он будет тем самым представителем адобной культуры. Адобная культура – это и арифметика, которая тоже появилась на арабском востоке (хотя дискуссии большие, арабы сами считают цифры индийскими, но в Индии их тоже нет), алгебра, физика,

химия. Человек культуры должен был знать и это, и религиозные науки. Это становится принципиально важным моментом.

3.6. Выводы

Идеал знания – это основа знаниецентричности. Знаменитый арабист, исламовед немец Франц Розенталь во время войны эмигрировал в штаты, поэтому считается американским. В своей книге «Горжество знания» он сказал, что знание в арабо-мусульманской цивилизации было такого уровня, такой важности, что оно определяло все остальные сферы развития культуры, оно доминировало.

1. Считается, что основными направлениями являются калам как спекулятивная теология, суфизм и восточный перипатетизм или «фальсафа», арабы сами взяли кальку греческого названия.

2. Поскольку отсутствует монополия на знание религией или представителей религии, то страна открыта к диалогу культур. Этот момент очень важен, потому что был поставлен вопрос, актуальный и сегодня: «Открыт ли Арабский Восток к диалогу культур, диалогу цивилизаций?». Если вера и разум взаимодополняют друг друга на поле знаний, то значит, знание противопоставляется не вере, а невежеству. Знание противопоставляется незнанию.

3. Все проблемы, которые взорвали единый некогда мусульманский мир, принесли себя сами. Были так называемые ранние спекулятивные теологи, которые привыкли называть себя «мутазилиты». Они были поборниками разума: все должно быть подвергнуто суду разума. У Бога нет двух функций. Если Бог справедлив, то он не может наказывать за несправедливость, а несправедливость есть. Значит, уже Бог не всемогущ, потому что он не может творить несправедливость. Второй важный момент, что Коран – это текст, а текст – это слово. Коран сотворен, потому что божьего слова не может быть. Сегодня мы условно называем мутазилитов первыми свободомыслящими, потому что не было господства. Халиф Аль-Мамун, который создал Дом мудрости, проповедовал мутазилизм как идеологию. А тех, кто не признавал сотворенность Корана и не признавал, что Бог не всемогущ, он сажал в тюрьму. Потом он ушел, а те, кто сидел в тюрьме в Зиндане, вышли, стали называться ханбалитами. Получается, что все последующее развитие, в том числе дискуссии с представителями христианского мира, были вокруг проблемы свободы воли. Если есть свобода воли, то нет всемогущества Бога, потому что Бог не может наказывать. Более поздние спекулятивные теологи ашариты уже искали компромисс, золотую середину. Поэтому в исламе нет понятия ереси в том смысле, в котором мы понимаем. Ересь есть в понятии «неверный». «Кафир» - «неверующий». А вот внутри ислама еретиков нет. Аль-Газали даже написал книгу «О степени различия направлений в исламе». Он спрашивает: «Кто более истинен: мутакаллим, представитель спекулятивной теологии, философ или суфий?» Никого нельзя считать более истинным, они все истинны, просто каждый истинен в своей области. Получается, что знание, на котором построена вся

культура и общество, градуировано, есть знание с одной стороны универсальное, а с другой стороны есть знание только для правоведов, потому что правовой плюрализм. Например, в Саудовской Аравии принят ханбализм как правовой толк, в Палестине шафиитский толк. В свое время в дискуссии говорили, что проблема беспокойства, которую приносит исламский мир сегодня, заключается в отсутствии тех, кто мог бы унифицировать ислам. Его очень трудно унифицировать, потому что каждый считает себя правоверным. Особенность жестких форм типа Исламского Государства была в том, что оно было мобилизовано за счет внутренних резервов против него. Потому что Исламское Государство – это реакция, это ответ. Потому что из исламского мира у нас только одна страна не была ничьей колонией – это Саудовская Аравия, и то ее западная часть была под Турцией.

4. Еще один очень важный момент – это проблема научного знания. Классификация наук на Арабском Востоке позволяла отделять религиозные нормы и требования от того научного знания, которое есть. В Тегеранском университете заведующий кафедрой теории и истории международных отношений носил галстук. Он сказал, что это ему лично разрешил имам Хомейни, потому что тот сказал, что если ему запретят носить галстук, он уедет в Канаду и оттуда будет заниматься большой наукой. Уважение к людям знания даже со стороны таких людей очень важно даже в этой экстремальной обстановке. Для Арабского Востока сегодня истины науки не должны быть противоречивы с истинами веры. Если это происходит, то вера требует аллегорической интерпретации.

5. На Арабском Востоке, это видно по суфизму, впервые был поставлен вопрос о том, что знание основывается не только на разуме и вере, но знание основывается еще и на действии. Суфии интересны своей практикой суфийской. Сейчас издается много книг о практике суфийской, ее принцип – «не по намерениям суди человека, а по его действиям». Потому что в христианстве судят по намерениям. А в исламе судят по действиям. Отсюда – большое значение придается роли практического разума, отсюда построена все этика. Ислам не разделяет мир на светский и религиозный, для него мир один.

6. Последнее – то, что мы называем гуманизмом. Гуманизм существует в трех смыслах для Арабского Востока классического периода. Первое – это религиозный гуманизм, работающий во всех трех мировых религия, авраамистической традиции, это то, что мы называем Нагорной проповедью и Десятью заповедями – они универсальные ценности, которые работают на весь мир. Второе – это адабный гуманизм, то есть гуманизм «княжеских зеркал», который придет от «пайдеи» и перейдет в «studio humanities» в эпоху Возрождения. Это очень важно, потому что обращалось внимание на образование, на образованных людей. И третий вид гуманизма – философский. Человек есть философская проблема. Таухиди выразит эту формулу, в ней и восточные перипатетики будут свой путь искать, и суфии свой путь искать, и представители спекулятивной теологии тоже будут искать свой путь. Почему сегодня сложно говорить о том, что мы называем арабо-мусульманской философией по отношению к

современности? В этот период арабов было немного, но все, что открывалось на территории большого Халифата – в Каире, в Багдаде, в Дамаске – все считалось мусульманским. Но после 1492 года, после завоевания Византии появляются турки-сельджуки, появляется Османская империя. Все, что было в Османской империи, было тюркским и османским, но не стало общемусульманским. Даже если взять тюркскую литературу нобелевского лауреата Нагиба Махфуза, его признает весь мусульманский мир – в Малайзии, на Филиппинах, в Египте, в Турции – но он египтянин. Османской империи было все равно, что творилось на ее окраинах – в Багдаде, Каире, Дамаске. Речь идет о том, что прервалось взаимоотношение диалога. Османская империя создала великолепную армию, она впервые создала почту, которую восприняла западная Европа, в ней было замечательно развито военное искусство, но она проспала промышленную революцию, культурную революцию. Османская империя, к сожалению, потянула за собой всю свою периферию. А потом, когда она не справилась, она отказалась от этого центра. В 1922 году Османская империя была разделена на 22 государства, а сама Турция отказалась от арабского языка, ввела турецкий язык, и поэтому распался последний халифат Османской империи. А Османскую империю делили по линейке. Судан, южная часть Египта, которая граничит с Суданом, в европейской части тогда придумали Иорданию, она была тогда общим государством Палестины, потом она называлась Трансиордания.

Это не просто культура, которая была способна к диалогу цивилизаций. Она внесла огромную лепту. Английский историк-исламовед Монтгомери Уотт написал книгу «Влияние ислама на средневековую Европу», он попытался объективно взглянуть на то, какой вклад внесли и могут внести дальше представители арабо-мусульманской культуры. Очень интересно всегда прочитать аристотелевские работы в русском переводе с арабского, а не с древнегреческого. У Аль-Фараби есть замечательные логические трактаты, вклад арабов в логику оценил Николас Решер, знаменитый английский логик. Этот период представляется достаточно интересным и плодотворным, потому что была парадигма, которая определяла всю эпоху.

Лекция 4. Лекторский В.А. Цифровизация жизни: антропологический вызов

4.1 Философия в эпоху цифровизации

Сегодня мы живем в новой ситуации: о цифровизации трубят в интернете, в прессе, по радио. А философия, которая существует больше двух тысяч лет, – самая древняя дисциплина. Можно подумать, что в цифровизации, когда все технологизируется, проблемы решаются технологически и не понятно, нужна ли философия, странная дисциплина, когда вы размышляете, казалось бы, над одними и теми же вопросами. Древние греки размышляли над вопросами «Что такое истина?», «Что такое знание?». И сейчас об этом говорят. А наука получает ответы, на основе наук новые технологии развиваются, жизнь меняется. Может быть, философия, эта глубокая древность, уже и не нужна сейчас? Ответ В.А. Лекторского: сейчас мы вступаем в философское время и сейчас философия нужнее, чем когда бы то ни было, это самая актуальная дисциплина, актуальнее всех остальных. Она стала практической дисциплиной. Раньше философией занимался какой-то круг избранных людей, а сейчас почти каждого стали касаться те вопросы, которые, как казалось, к обычной жизни не имеют никакого отношения. Философия меняется в том отношении, что она становится более востребованной, ее основная проблематика остается той же самой, но она наполняется практическим смыслом.

Философия возникла давно, в античности. Ей могли заниматься люди, у которых было время, досуг, которые не должны были заботиться о хлебе насущном. Основная масса жила иначе, тем более, основную работу в Древней Греции выполняли рабы. И появились мудрые люди, которые стали думать о том, как устроен мир, что такое бытие, что можно знать, что знать нельзя. И к философам относились так, как будто они не от мира сего, над ними смеялись. Известны рассказы о Фалесе, который шел, смотрел в небо, и упал в яму. Это пример непрактичности философии. В античности считалось, что занятие философией или наукой не дает практического смысла, это само по себе ценное занятие. Ценность мудрости – в самой мудрости. И философы ставили те вопросы, которые обычно не нужны. Есть известный рассказ из тех времен. Кто-то кому-то продавал какую-то вазу, стали спорить, подлинная это ваза или подделка. И не могли этот спор решить, обратились к философу. Философ посмотрел на них свысока и ответил: «Мудрец сомневается только в истине». Только истина его интересует, а этот вопрос слишком низкий для него. А сейчас, как ни странно, вопрос о том, существует ли истина – это практический вопрос. Что такое постправда? Неизвестно, где истина – где нет. Философские вопросы, «вечные проблемы» были одними и теми же. Но ведь каждый раз эти проблемы наполнялись неким конкретным содержанием. Одно дело, когда Аристотель в античности писал о том, что такое душа, другое дело, когда Декарт писал о сознании, о том, что такое «Я». Это уже новая постановка вопроса, хотя в рамках одной и той же философской проблемы «Что такое душа». Об истине писали древние греки, об истине спорят сейчас – проблемы никуда не ушли, но они выглядят

по-новому. Античная философия имела выходы и в понимание мира, и в науку, Пифагор, великий математик, был еще и философом. Математика заставляла обсуждать какие-то философские вещи. Философия учила о том, как надо жить. Были разные концепции, и они были практическими. Стоики, эпикурейцы, философские циники, — это представления о том, как нужно жить, но и одновременно способ жизни тоже. Потом время изменилось, в Средние века философия связалась с религией, теология без философии была невозможна, и в это же время были сделаны крупнейшие логические разработки. Схоласты, которых часто приводили в пример бессмысленного непрактического занятия, разработали много таких вещей, которые в современной логике очень высоко оцениваются. Ситуация меняется в Новое время, когда добавляется новая наука, которой не было раньше. Появился эксперимент. Мы пытаемся выяснить, что происходит в природе, с помощью того, что мы эту природу меняем. В эксперименте создаются неестественные условия – в природе не может быть никаких экспериментов. Человек создает искусственные установки, с помощью которых он пытается понять, что же происходит на самом деле. Аристотель считал, что так нельзя. Чтобы понять, что есть на самом деле, нужно наблюдать и описывать, какие происходят события. Если вы создаете неестественные условия, вы искажаете те процессы, которые есть. В Новое время так перестали считать: природа – это же некие механизмы. Когда мы эти механизмы пытаются разобрать, лучше понимают, как там внутри все устроено. Один из первых законов классической механики гласит, что если на тело не действует никакая сила, то это тело может двигаться бесконечно, равномерно и прямолинейно. Кто это видел? Возможно это в мире? Невозможно. Это сверхидеализация. Оказывается, с помощью такой абстракции можно понять потом все остальное, так была построена вся классическая наука. То есть на том, что противоречит здравому смыслу. Оказывается, не солнце движется по небу, а земля вокруг солнца. Все переворачивается. Без философского обоснования нельзя было понять новую науку и ее делали именно философы. И Декарт, и Галилей, и Декарт были крупнейшими философами. Но что касается обычных людей – по-прежнему, и наука, и философия были далеки от их жизни.

В XX веке ситуация меняется, когда возникает квантовая механика, теория относительности. Там философские проблемы стали уже животрепещущими, и все эти люди обсуждали философские сюжеты. А сейчас ситуация меняется еще раз, возник феномен, который называется «технонаука», когда наука тесно сращивается с технологическими разработками. Эти новые разработки меняют жизнь нашу, меняют привычный жизненный мир.

Есть природа, а есть культура. Природа – это нечто естественное, то, что не зависит от человека. Культуру в каком-то смысле делает сам человек, он сам все это изобретает, без человека культуры нет. Культуры есть разные: есть европейская культура, китайская, арабо-мусульманская. Культура – это что-то неестественное, сделанное человеком. Некоторые говорят, что в человеке есть нечто природное, то, что изучают биология и физиология – это то, что общее для всех людей. А культуры-то

разные. Откуда культура взялась? Условно договорились, что культура – это способ понимания мира и самого человека. Но дело не в этом: культура – это программа жизни и поведения. Дарвин создал теорию эволюции и сказал, что в ходе эволюции видов происходят случайные изменения, потом есть естественный отбор, потому что есть те изменения, которые способствуют выживанию, и есть те, которые не способствуют. Те виды, у которых изменения не помогают выживать, умирают. Те, у которых дело обстоит иначе, дают потомство и выживают. Но Дарвин не учел одного: когда он развивал свои идеи, не было генетики, а генетика говорит, что кроме этих механизмов естественного отбора есть еще генные программы, заложенные в каждом виде, которые по наследству передаются. Программы поведения. И культура – это такая программа поведения определенного сообщества людей. Представления о мире, представления о человеке, что можно делать, что нельзя и как мир устроен. И в этом смысле культуры, как виды, оказываются более жизнеспособными либо менее жизнеспособными. Какие-то культуры сходят со сцены, другие возникают вновь. То есть культура – это способ осмысления мира. Они между собой взаимодействуют, сталкиваются, друг другу противоречат. Культуры существуют давно, они приходили во взаимодействие, но в целом самостоятельно существовали всегда, на протяжении тысяч лет. Сейчас ситуация в корне меняется, мир сейчас становится с ног на голову. Сейчас культуры настолько друг в друга проникают, что возникает большая проблема: как понять представителя другой культуры? Мы разговариваем с человеком на одном английском языке, но он вкладывает разные смыслы в те же самые слова. Он иначе все понимает. Как понять представителя другой культуры? 10 лет назад был в Китае, в городе Пекин, был международный семинар. Китаец делал доклад на английском языке, который назывался «О значении древнекитайской философии». В докладе китаец говорил, что всю жизнь изучал западную философию и понял, что какие-то вопросы, в которые уперлась западная философия, уже были решены в древней китайской философии. И когда стали его обсуждать, один американец его спросил: «А вот я слышал, что в китайской культуре, в китайской философии другое понимание мира, другая онтология. И что китайские философские тексты очень трудно переводить на другие языки, может быть, даже они непереводимы. Как же приобщиться к Вашей мудрости?» И китаец ответил: «Да, Вы правы, перевести точно нельзя. Я же изучал английский язык, а Вы изучите китайский». Смысл в том, что проблема переводимости – это сейчас философская проблема. Философами сейчас возможность и невозможность адекватного перевода. Культуры все разные, и какие именно культуры более соответствуют современной ситуации – это большой вопрос. До сих пор мы считали, что это именно западная культура, откуда пошла и наука, и технологии лучше всего вписываются в ту ситуацию, которая возникает. А некоторые считают, что не совсем так, что культуры дальневосточные даже лучше вписываются – китайская, японская, корейская и так далее. Но при всем разнообразии культур во всех культурах остается что-то общее, инварианты. Какая бы культура ни была, развитая, не развитая, западная, восточная, северная, южная – всегда все культуры исходили из того, что

человек не просто природное существо, он существо естественноискусственное (культура – это нечто искусственное, созданное самим человеком). И в любой культуре есть некоторые инварианты. Каждый человек, в каком обществе он бы ни был, отвечает за свою деятельность. Если поступок плохой совершил – отвечай, хороший – наградят. А что значит отвечать за свои действия? Это значит, возможность сознательно делать выбор: могу сделать так, а могу сделать иначе. То есть свобода выбора, или свобода воли, предполагается любой культурой, даже самой примитивной. Свобода воли – это условие жизни человека любой культуры, западной, восточной, развитой, какой угодно. Эти инварианты человеческой жизни сейчас ставятся под сомнение. Где бы ни жил человек, он не сам по себе, он всегда взаимодействует с другими людьми и должны быть какие-то способы взаимодействия, солидарности, взаимопомощи, без этого культура не выживает и человек не выживает. Это называется солидарностью, братством, есть разные формы этого взаимодействия. Даже при индивидуализме есть какие-то формы взаимодействия. Без него нет семьи, и само общество невозможно.

4.2. Новые ответы на кантовские вопросы: Что я могу знать?

Известный философ Кант, считал, что перед философией стоит три вопроса:

1. Что я могу знать?
2. Что я могу и должен делать?
3. На что я могу надеяться?

Эти три вопроса в целом дают ответ на вопрос «Что такое человек?». Философия этим должна заниматься и всегда занималась, хотя до Канта были иные формулировки. Но можно показать, что, начиная с античности, где-то вокруг этих вопросов философия и двигалась. Все эти три вопроса сейчас стоят очень остро в связи с новой ситуацией, которая возникла и которая называется цифровизацией.

Что такое цифровизация? 20 лет назад стали писать, что человечество вступает в информационную стадию, или в информационное общество. Это значит, что, раньше, в Средние века, главным богатством и ценностью было владение землей, и те, кто владели – помещики, лорды – имели крестьян, потом на смену пришел капитализм – это овладение товарами и предприятиями. А сейчас на смену им идет информация, ее производство, распространение, использование и владение. Было несколько идей о том, что мы вступаем в общество знания. Может быть, не всякая информация – знание, но то, что знание – это информация, – бесспорно. Знание, производство знания, использование – оно многое определяет в цифровом обществе. И цифровизация – это его развитие. Особенность состоит в том, что информация распространяется и используется с помощью цифрового кодирования, что колоссально увеличивает скорость распространения и использования. Возникает новая ситуация в развитии информационного общества на основе всеобщей цифровизации. Массово возникают вопросы, начиная с финансовых: если блокчейн начинают использовать, то возникает вопрос о судьбе банков, всей банковской системы, о судьбе экономики – может быть,

можно жить без банков. На чем экономика сейчас основана и капитализм как воплощение – что есть свободный рынок, там есть спрос и предложение, спрос нельзя спрогнозировать, нельзя вычислить, он стихийен, он меняется все время. А если есть современная цифровая техника, есть искусственный интеллект, можно многие вещи вычислять, то, что раньше нельзя было вычислять. С помощью цифровых технологий можно удешевлять стоимость товаров колоссально, контролируются сами ваши потребности, рынок становится управляемым. И тогда масса вопросов – это капитализм или это уже что-то другое? В целях безопасности используются все эти цифровые технологии, в культуре. В свете той цифровой ситуации, которая складывается, попытаемся ответить на три кантовских вопроса: «Что я могу знать?», «Что я могу и должен делать?», «На что я могу надеяться?».

Первое, «Что я могу знать?». Что меняется? Меняется само понимание человека, а для философии это центральный вопрос. И меняется ситуация, в которой живет человек, что самое главное. Появляется новая ситуация, в которой он никогда не жил, и возникают новые вопросы. И поэтому иногда говорят не просто о том, что цифровизация – это глобальный вызов, но и говорят об антропологической революции. А некоторые говорят об антропологической катастрофе. Третьи считают, что это одно и то же. «Что я могу знать?» В самом деле, здесь в философском плане очень многие вещи стояпо-новому т. Потому что, когда наука стала развиваться большими темпами, начиная с XVII столетия, экспериментальная наука и науки о природе взялись за человека. Физиологи, биологи стали изучать мозг, возникла психология. В конце XIX столетия возникла такая наука, как экспериментальная психология. Психологи наткнулись на такую проблему, что можно изучать, как работает мозг. Уже тогда изучали – сейчас, конечно, мы знаем мозг гораздо больше, но уже тогда в мозге выделяли зоны, писали о том, какая зона за что отвечает: за зрение, за слух и так далее. Но возник вопрос: «Откуда берется сознание?» В мозге никакого сознания ведь нет. Как сказал Лейбниц, философ, XVII – начала XVIII столетия, представьте себе, что я взял ваш мозг и увеличил его до огромных размеров, он стал величиной с дом. Вы будете ходить по коридорам, что вы там увидите? Какие-то клетки, серое, голубое вещество. Там никакого сознания нет, там нет даже красного и желтого цвета. Откуда все это берется, откуда сознание? Решили, что это какая-то особая субстанция, которая связана с мозгом. Это мнение было распространено, но были и другие. Тогда ученые решили, что, конечно, можно изучать связь наших отдельных сознательных переживаний с какими-то мозговыми процессами, но ответить на вопрос фундаментальный «Что такое сознание?» наука не может. Потому что сознание не вписывается, его вообще нет в мире, который мы изучаем. В мире все процессы происходят в пространстве и времени, есть причины взаимодействия между отдельными событиями. А сознание – какой-то особый феномен, ему нет места в мире.

Дюбуа-Реймон, философствующий ученый конца XIX столетия, написал книгу о мировых загадках и сказал, что есть такая загадочная проблема – связь сознания и мозга, что у нас нет способа ответить на этот вопрос. Связь какая-то есть, а как эту

связь понять? Самое интересное, что этот вопрос до сих пор обсуждается, один из самых дебатированных в современных науках. Психологи воздействовали на человека вспышкой света, звуком, и потом просили его сказать, что он почувствовал. Такие методы, психологические эксперименты основаны на предположении, что сознание доступно самому себе. Есть две позиции: от первого лица, когда вы сознаете, что это вы и что это с вами происходит, и позиция от третьего лица, когда экспериментатор может изучить мозг, не вскрывая черепные коробки. Один современный английский философ целую теорию развил, он считает, что у человека нет концептуальных возможностей осмыслить проблему взаимоотношения сознания и мозга. И поэтому одно время психологи сказали вообще, что не надо изучать нам сознание, мы ничего не можем о нем сказать, изучаем поведение. И они изучали поведение несколько десятков лет в XX веке, преуспели в этом, а потом в 70е годы XX века возник новый подход к изучению сознания и мозга, тогда решили, что человек – сложное существо, но все его процессы сознания – это не что иное, как переработка информации. И с помощью такого информационного ключа можно понять, что такое сознание, и мозг, и связь сознания с мозгом и так далее. Об этом стали писать, говорить, но все равно вопрос остается. Дело в том, что информация, которая поступает из мира, большей частью не осознается. Мы не осознаем большую часть процессов, которые у нас происходят. И это касается даже процессов, имеющих отношение к познанию: три четверти того, что вы знаете, вы не знаете, что вы знаете. Это когнитивные бессознательные процессы. Это не просто взаимодействие в мозгу между нейронами, это другой уровень когнитивных процессов. Мозг решает задачи, строит гипотезы, сравнивает, анализирует, решает массу познавательных подзадач, которые считались раньше под силу только сознающему человеку. Оказывается, мозг это делает, но мы этого не осознаем. Идея о том, что субъективное – это еще и бессознательное, появилась в недавнее время, и она казалась очень интересной и дающей возможность понять другие вещи. Но тогда откуда сознание-то? А почему не все процессы в мозгу происходят бессознательно? В чем роль сознания вообще?

Один современный американский философ написал статью «Почему не все когнитивные процессы происходят в темноте». Они могли бы не осознаваться, а почему-то на свет какие-то вылезают, почему и в чем роль вообще, зачем нужно сознание, в чем его роль? У человека есть сознание, мы себя осознаем, считаем, что оно есть у детей. А у собак оно есть, как считаете? У кошек? Где оно вообще? А у летучих мышей? Сейчас о летучих мышах заговорили, потому что коронавирус связывается именно с ними. А летучая мышь – это особое существо. Она млекопитающее, похожа чем-то на кошку, собаку, человека. Но есть у нее одна особенность. У нее нет зрения. Она ничего не видит, но прекрасно ориентируется. Она издает звуки, а эти звуки отражаются от предметов, она воспринимает эти отражения звуков и прекрасно ориентируется в мире. Это называется эхолокацией. Один философ написал статью «Что значит быть летучей мышью?» Можно себя представить на месте летучей мыши? Сложно себя представить даже на месте собаки или лошади, хотя эти попытки

делались. Чехов написал «Каштанку» как бы от имени собаки, а Лев Толстой «Холстомер» от имени лошади. А вот на месте летучей мыши, у которой нет глаз, наверное, невозможно себя представить. Хотя сознание у нее, наверное, есть, зачем-то нужно. У маленьких детей, которые только что родились, сознание, по-видимому, есть. Если дальше спускаться по эволюционной лестнице – у таракана есть сознание? У червяка есть сознание? Где критерий того, что сознание появилось? По внешним признакам трудно определить, есть оно или нет. «Человек потерял сознание, - говорят, - в коме», а потом он выходит из комы и говорит, что что-то сознавал в это время. Это очень сложный вопрос. Есть сознание, бессознательные процессы, это какое-то новое понимание человека. Зачем сознание? Если вы совершили самостоятельно поступок, вы отвечаете за свои действия. Если решение принято не самостоятельно, а какая-то внешняя причина заставила человека делать что-то, то он за это не отвечает. А если у человека нет сознания, он действует под гипнозом – он отвечает за свои поступки? Нет, тот, кто загипнотизировал, за это отвечает. Значит, если нет сознания, человек не отвечает за свои поступки, за свои действия. Сознание – необходимое условие нормальной жизни в обществе. Если бы у людей не было сознания, то не было бы свободы выбора.

В рамках когнитивных исследований один американский экспериментатор ставил такие эксперименты. Он просил испытуемых на каком-то этапе поднять руку и сказать: «Я решил поднять руку». Он просил это сделать и одновременно фиксировал процессы, которые в мозгу проходили в это время. Он массу опытов поставил и пришел к выводу, что каждый раз происходило одно и то же. За несколько миллисекунд, за какое-то небольшое время, до того, как испытуемый захотел поднять руку, в мозгу уже был процесс, который заставил его поднять руку. Какой вывод? Никакой свободы воли нет. Это кажется нам, это наша иллюзия. И такое мнение сейчас есть, и философы есть, которые считают, что сознание – это иллюзия. То, что «Я» — это тоже иллюзия. А не иллюзия – это то, что в мозгу происходит. Это вопрос, это одна из дебатированных тем. Но если это так, то человек – уже не человек, он уже не отвечает за свои действия. Этот эксперимент – опыты Либета. По мнению В.А. Лекторского, все не совсем так. Без сознания ничего не получается. Либет он испытуемому рассказал, что он должен поднять руку. То есть у испытуемого уже установка на то, чтобы поднять руку, уже была. Она ушла в бессознательное и повлияла на мозг. Это пример того, как эти вопросы сейчас обсуждаются. Что такое свобода воли – философы сотни лет обсуждали. Там проблема была в другом: это вообще парадоксальная вещь – свобода воли. Свобода воли – это возможность выбрать из разных возможностей. Когда есть возможность туда пойти, туда не пойти, это сделать, это не сделать. Человек принимает сознательное решение, за которое потом несет ответственность. Но когда он принимает решение, он из чего-то исходит. Пойти туда-то потому-то. Есть основание для принятия решений. Свободный выбор оказывается всегда определенным внутренними мотивами. Это внутренняя необходимость.

Кант много рассуждал о том, что такое свобода, это была одна из основных тем всей его философии. Он считал, что есть мир природы и мир свободы. Мир природы – это все, что вне меня, звездное небо надо мной. А внутри – это моральный закон. Если нет морального закона, никакой свободы у нас нет. У животных свободы воли нет, они рабы своих биологических импульсов. Они ходят туда-сюда, потому что у них в организме что-то зашевелилось. А человек выбирает основания, мотивы – сознательно это делает, на основании морального закона, как Кант считал. У детей свободного выбора тоже нет, как он считал. Значит, это большая проблема.

А теперь: «Что я могу знать о мире?» Здесь уже цифровые технологии широко используются, сейчас появилось новое явление – «анализ больших данных». При анализе больших данных – Big Data – используются цифровые технологии и возможности искусственного интеллекта. Когда огромный массив данных, миллиарды данных, человек не может это обработать, не в силах, его мозг с этим не справляется. А эти счетные устройства, искусственный интеллект, могут это делать, миллион операций можно делать очень быстро. И можно получать сведения о событиях в мире, которые мы иным способом не получали бы. Это уже существует десятка два, наверное, лет, связано с теорией машинного обучения, машина это делает. Это использовалось сначала в залах хранения; бизнесы, фермы использовали это для того, чтобы прогнозировать возможное поведение покупателей. Это использовалось в каких-то науках, в биологии. Есть какие-то события, эти события так обрабатываются, что когнитивно связаны с другим каким-то событием. И можно на основании одних событий делать прогноз о возможности наступления других событий с помощью анализа больших массивов, больших данных. А такие корреляции между огромными массивами данных можно выявить.

Отсюда возникают идеи, что, если это распространить на все остальное, на всю науку, тогда зачем строить теории-то, дорогие друзья, или гипотезы? Как строится наука – гипотезы, потом на эксперименте испытываются, подтверждаются или не подтверждаются, частично подтверждаются, модификации множатся, потом теория строится, логическая связь высказываний, из которой потом можно делать выводы. Так развивалась наука. А тут зачем – есть большие данные, которые говорят сами за себя, была масса статей о том, что сейчас уже этого нет, мы от этого ушли. То есть машина все будет делать. Человеку думать уже не надо.

Интересно, что данные обработки этого массива больших данных могут предсказать поведение, но ответить на вопрос, почему это произошло – нельзя. Например, молния ударила в сухое дерево, дерево загорелось. Почему дерево загорелось? Потому что молния ударила, дерево было сухое. Всегда, когда молния ударяет в сухое дерево, оно загорается. Есть причина, есть следствие. Потом, появляется наука, наука строит теорию, есть законы такие-то и в соответствии с такими-то законами при таких-то условиях это должно было произойти. Причину понимать не нужно: из анализа одних огромных массивов она делает выводы о возможных продвижениях. То есть, человек оказывается в зависимости от машины и, к

тому же, он перестает понимать. Искусственный интеллект, быстро обрабатывающий Big Data, массив больших данных, — это что-то другое, какой-то другой разум. Мы не можем его понять. Как таракан не может понять нас, мы не можем понять то, что происходит там. Но нам это и не нужно. Это новый ответ на вопрос: «Что можно знать?» Кажется, что можно знать то, что можно обработать, но, оказывается, нет. Это новая ситуация.

Еще один пример того, что можно знать в новой ситуации, новый философский вопрос, которого не было в античности. Декарт считал, что во всем можно сомневаться. Он смотрю, и не уверен, что ему все это не снится. Даже в собственном теле можно усомниться, когда мы спим, мы тоже видим то, чего нет на самом деле. А в чем нельзя усомниться? В том, что это происходит именно со мной. Что это именно я сомневаюсь. Есть я и мое сознание, — это несомненно. Все остальное — сомнительные вещи. То же самое с другим человеком, индивидом. Есть первая позиция, есть третья позиция. Лектор видит, как двигаются слушатели. Но, может быть, у них нет никакого сознания вообще? Пока еще можно отличить автоматы от живого человека, они лучше и лучше становятся, а потом их будет не отличить вообще.

Как проникнуть в чужое сознание? Это проблема других сознаний. Философы в свое время такие проблемы создавали, и иногда над ними издевались за это. Одна проблема — «Существует ли внешний мир?» — после Декарта. Он только снится или есть то, что не зависит от сознания? Наверное, есть. А как доказать? Кант назвал это «философским скандалом»: мир есть, но мы не можем доказать, что он есть. В XX веке один известный английский философ написал специальную статью, которая называется «Доказательство существования внешнего мира», и он доказал. То же самое с чужим сознанием: проблема доказательства чужого сознания.

Сейчас с использованием новых технологий, искусственного интеллекта в когнитивных науках старые философские проблемы преподносятся по-новому. Снова обсуждается проблема чтения чужих мыслей. Японские ученые делали опыты: человек сидит, видит дерево. А другой человек, ученый, изучает его мозг и наблюдает, какие части коры его головного мозга в это время активизировались. Дерево он увидел — у него такие-то клетки, такие-то части мозга были активны. Потом было другое, другие части активизировались. А дальше следующее: экспериментатор не знает, что вы видите, но наблюдает только ваш мозг. И, наблюдая ваш мозг, он скажет: «Вы видите то-то и то-то». Можно вспомнить фильм какой-то, картинки какие-то. И, изучая ваш мозг, он скажет, какие вы картинки представляете себе. Если это так, то это возможность расшифровать нейродинамический код, то есть, вся информация в мозге каким-то образом записывается. Если мы расшифруем, как эта запись производится, тогда можно читать мысли. Декарт был не прав: оказывается, есть такая перспектива. Часто этот вопрос провоцирует обсуждение темы о сохранении индивидуальной автономии. Это хорошо или плохо? Можно обманывать людей или нет — это тоже философский вопрос.

Лекторский В.А. считает, что это в принципе невозможно из-за одной философской проблемы, которая сейчас тоже активно обсуждается. Два человека смотрят на дерево. Какие-то процессы в это время в их мозгах активизировались. Они видят одно и то же дерево, один и тот же образ. Но один это дерево видит иначе, чем другой. Не говоря о том, что уже угол зрения будет немного другой, главное, что вся жизнь, все ассоциации, связанные с деревом, будут у разных людей отличаться. Это дерево будет по-разному восприниматься и осмысливаться. Эта старая философская проблема, которая сейчас обсуждается, называется «Референт и смысл». Референт – это предмет, к которому относятся наши мысли и наши высказывания. И смысл, который мы придаем, воспринимая один и тот же предмет. Или у разных предметов исследователь может один и тот же смысл иметь в виду. Вечерняя звезда и Утренняя звезда – это одно и то же небесное тело, но оно воспринимается по-разному. Что физик думает о квантовой механике, и что думает студент. Лекторский В.А. – ученый, специалист по мозгу, «neuroscientist» - «изучающий мозг». Он изучает, как работает мозг. Но чужие мысли он не прочтет никогда. Когда ученые расшифровывают какой-то другой язык, они должны знаки языка сопоставлять с тем, к чему они относятся. В каждой жизни произошла масса событий, мозговые процессы связаны с тем, что было когда-то. Это настолько сложно, что нам не поддается. Хотя есть такие люди, энтузиасты, даже среди философов в нашей стране, которые говорят, что скоро мы расшифруем нейробиологический код, будем читать мысли. Такая проблема тоже есть. Насчет вопроса «Что я могу знать?» – новые возможности появились для познания, и старые философские вопросы сейчас выглядят по-новому.

4.3. Новые ответы на кантовские вопросы: Что я должен (могу) делать?

«Что я должен (могу) делать?» - второй философский вопрос. Сейчас широко используется технология обработки больших данных. Наблюдение ведется с помощью смартфонов, компьютеров. Может записываться все, что вы делаете, куда вы пошли – сейчас это не так, но в принципе возможно. Можно записывать за человеком все: куда он пошел, с кем говорил, что сказал. То есть, все, что жизни происходит, может записываться. Теперь представьте себе, что вы потеряли вашу память – основу всего, что вы есть. Вас бы не было. Все, что вы знаете о себе – как вас зовут, где вы были, с кем беседовали. А если вы все забыли? Такие случаи, к сожалению, бывают. Какой-то провал в памяти, и вы уже частично себе не принадлежите. Люди управляют памятью: многое о себе помнят, но не все всем рассказывают. О каких-то вещах предпочитают забыть, не вспоминать – неприятные события вытесняются в подсознание, в бессознательную сферу. Вы управляете своей памятью, вы в каком-то смысле достраиваете. Оказывается, ваши воспоминания – это не просто череда событий, с которыми вы сталкивались. Память выстраивает себя в виде рассказа, связанного текста. Много хранится в памяти, что-то можно быстро достать, что-то достать сложно. Тема памяти – это вообще интереснейшая философская проблема. Без памяти

человека просто нет. И вы хозяин своей памяти, вы сами собой управляете. А представьте себе, что с помощью современных технологий все о вас записывается, все что было, в том числе то, что вы не хотели бы помнить. Если бы человек помнил все, что с ним было, он не смог бы выжить. А теперь все помнится, даже то, что нужно забыть – машина все записывает. Если ведется следствие за каким-то человеком, который совершает всякие неприятные поступки и может совершить какое-то противоправное действие. Есть массив данных, которые о нем собрали. Тогда как себя вести? Тогда эти инстанции, которые о вас информацию собирают, скажут, что вас арестовать надо и не нужно доводить до того момента, когда он поступок совершит. Арестовать и все, хотя он ничего не совершил, он может совершить на основании того, что он делал до сих пор. Можно сказать, что это благое общество, в котором можно предотвратить всякие неприятные события. А с другой стороны, вся культура основана на том, что, если вы чего-то не сделали, вы за это не отвечаете. Потому что, какими бы ни были предрасположенности, люди имеют свободу воли и свободу принимать решения. Пока вы не решили что-то, вы не виноваты. Свобода воли, как сказал бы Кант, – это необходимое условие существования человека, иначе это не человек уже. А если за вас решают? Вы еще ничего не сделали, и все рушится. А это сейчас уже обсуждают. Вот возможности, которых раньше не было. Раньше это не обсуждали, а сейчас это можно делать на основе новых технологий, цифровых, в частности.

Теперь еще одна проблема, связанная с этим же: «Где существует познание?» Кажется, что в сознании, а сознание – в голове. Когда появилась письменность, человек стал записывать, книги появились, учебники, теории, потом интернет появился, где вообще много всего. Где знания, там или в голове? Если вы хотите что-то знать, вы должны обращаться к этим источникам, к интернету, в частности. К тому, что вне вашей головы. Вот вопрос: где кончается человек? Мы до сих пор думали, что сознание человека заключается в голове. А вот слепой человек передвигается с тростью, трость – это часть него или нет? Это часть него. Без нее он бессилен, ориентироваться его поставьте. А мы бессильны уже без телефона. Телефон потеряйте сотовый – часть себя потеряете, без него вы себя не мыслите, вы уже срослись. Это называется киборги – когда человек срачивается с какой-то техникой, которая вне вас. Телефон – это часть вас, это ваша собственность. Был такой рассказ, в античности дело происходило, когда персы воевали с греками, персы осадили город и решили проявить милосердие к жителям города, они сказали жителям, что каждый из них может выйти и взять с собой то, что может унести. Кто-то тащит какие-то вещи, какая-то женщина мужа тащит. А какой-то человек вышел в хитоне, ничего не несет. Те удивились, спросили: «А ты что ничего не тащишь?» А он им сказал: «Все свое ношу с собой». Это был философ, конечно, кто еще это мог быть. А сейчас так не скажешь, мы уже не ограничены телом своим, мы выходим за рамки этого тела, есть всякая аппаратура. На самом деле знание уже выходит за рамки предмета: автомобили, книги – это особый мир. Философы писали, что это не только в голове есть. Сама голова, ваше сознание невозможны без понимания того, как этот мир взаимодействует. В частности, мир, созданный самим

человеком – это искусственный мир. Мы живем уже в искусственном мире, а не в естественном мире. Это не то, что дома, столы, стулья – это мир знания, и чем больше мы живем в этом цифровом мире, тем больше нас поглощает виртуальная реальность. Где существует знание? Ньютон, например, сформулировал основы классической механики и записал их в книге. Книгу переводили на языки, издавали миллионами экземпляров. Знание воплощено в книге, но это носитель. Как есть душа, которая в тело вселяется и может менять свое тело, так и знание может менять оболочку. Это особая реальность, и в такой реальности мы живем. Это острая проблема: где кончается естественное и начинается искусственное. Человек всегда был естественнoискусственным существом, делал орудия, а сейчас все больше становится искусственным существом в виртуальном мире, который он сам придумал и в котором он живет. Сейчас в связи с современными технологиями, не только информационными и цифровыми, но и нано-, и биотехнологиями возникают идеи о том, чтобы человек всю природу сотворил заново. Есть природа, она возникла естественным путем, и возник человек, он дорос до того, что возгордился как господь Бог: все создадим – новые предметы, новые атомы, молекулы. Есть страшная книга «Homo Deus», «Человек – Бог». Идея – пересоздать всю природу заново, управлять эволюцией. Эволюция была естественным процессом, был большой взрыв, потом появилась жизнь, потом возникли существа, потом возник человек. Самое главное, что человек создает таких искусственных существ, которые превосходят его и которые будут ему диктовать, как жить и что делать, потому что будут знать его лучше, чем он сам. Этот умный дом и так далее, вы знаете об этом. Если вживить в ваш организм какие-то чипы, то они будут говорить о том, что вы чувствуете, какие лекарства вам нужно, врача закажут. Они сделают все сами, вам лишь нужно подчиняться исходя из того, что они знают вас лучше, чем вы сами. Было бы очень обидно, если бы это было так. Это вопрос о естественном-искусственном и о том, как сохранить самого человека.

В связи с этими идеями цифровизации то, что казалось фантастикой и вообще утопией, начинает потихоньку воплощаться в жизнь, если не целиком, то отчасти, и мы вступаем в какой-то фантастический утопический мир. Еще лет 30 тому назад у нас были в моде разговоры о том, что, первое, философия традиционная кончилась - была метафизика, теперь нет никакой метафизики. Философия занимается теперь анализом языка, какими-то точными вещами, метафизики нет. Второе – постидеологическая вера. Свободный рынок, либеральная демократия – они решат все наши проблемы, а идеология – это отголосок. И третье, покончили с утопией. Была утопия у нас в стране, она плохо кончилась, теперь живем трезво, рационально мыслим с помощью машин.

А теперь мы куда вступаем? На физическом факультете МГУ физики издают журнал «Метафизика». Физики метафизикой сейчас увлеклись. Они читают Платона, Аристотеля. Древние философы, когда и науки как таковой не было, интересны сегодня. Идеология – без идеологии вы никуда не денетесь. Есть политика, она еще остается, политическая партия, движение должны иметь программу действий. А идеология – это и есть программа действий, это способ осмысления того, что есть. И

третье: сейчас утопия в связи с философией – это проблема бессмертия. Проблема смерти всегда была для людей, философов, довольно обсуждаемой. Люди всегда хотели бессмертия, может быть, не отдавали себе в этом отчета. Бессмертие души религия обещала, а бессмертие тела не обещал никто. А сейчас проекты улучшения или трансформации телесности и психики, продления жизни – это все реальные вещи. Сейчас же идеологи считают, что мы будем жить до 120 лет. 120 лет – нормальный срок жизни, если помнить, что раньше люди умирали в 40 лет. А с помощью цифровых технологий можно вообще стать бессмертным, есть такой способ. Искусственный интеллект собирает информацию обо всем, что происходит в вашей жизни. То, что с вами было, то, что вы о себе помните и не помните, что вытеснено в подсознание. Если можно все это записывать и сохранить всю информацию о вас, то, когда ваше тело одряхлеет, можно вашу информацию пересадить на другое тело. И все, и вы дальше жить продолжаете, и так до бесконечности. А еще лучше записать себя на носитель. Люди будут жить в киберпространстве, это называется «цифровое бессмертие» – идея фантастическая, сумасшедшая, утопическая. Сейчас идут новые утопии, называются «биотехноутопии». Вся штука в том, что мы уже не были бы человеком. Все, что было людьми, было связано с их телом. Если вы в другое тело переселились — это уже не вы, даже если другое тело будет похоже на старое тело. Об этом философы писали как об идеальном эксперименте, считая, что это неосуществимая вещь. Локк писал в начале XVII столетия о том, что будет, если психику принца пересадить в тело нищего. Потом Марк Твен написал роман «Принц и нищий». Тогда это считалось фантастикой, а сейчас обсуждается серьезно. Франц Кафка, известный писатель XX века, написал рассказ «Преображение» о том, как один человек проснулся и вдруг понял, осознал, что он вселился в тело какого-то странного страшного существа, который ползает по потолку. А психика у него та же самая. Страшные коллизии с ним происходят и главное – отношение к нему других людей. А если загрузить человека на цифровой носитель, он будет жить в компьютерном пространстве, у него не будет тела? То, что раньше было бессмысленно обсуждать, сейчас, в связи с новой ситуацией, обсуждается.

4.4. Старые философские проблемы в новом ракурсе

Эти несколько вопросов не так-то просто решить. Это новая реальность, с которой люди никогда не имели дело. Человечество оказалось на каком-то краю, на грани. Что такое философия? Философия – это ответ на предельные вопросы человеческой жизни, предельные основания. «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «Что я могу делать?» — это особые вопросы. И сейчас человечество подошло к пределу. Эти предельные вопросы, которые интересовали узкий круг людей, сейчас касаются очень многих. Люди оказались втянуты в реальность, которая многое обещает, дает новые возможности, выход за рамки пространства и времени. Можно организовывать сетевые сообщества, творить все, что угодно. И одновременно масса новых проблем, в том числе очень острых, связанных с тем, как сохранить самого

человека, чтобы он не перестал быть человеком. Представьте себе общество, где люди бессмертны. Тогда возникает масса вопросов: зачем нужны дети? Зачем нужны новые люди, если эти никогда не умрут, их достаточно? Или зачем нужна забота о других людях? Они же бессмертны, и лечить их не надо. Зачем совершать поступки, которые могут грозить вам? Наша жизнь зиждется на том, что человек может совершить поступок во имя чего-то, который подвергает опасности его жизнь, может пожертвовать своей жизнью. А чем жертвовать, если люди не умирают? Все переворачивается. Смысл жизни останется или нет? Оказывается, смысл жизни и смысл смерти взаимосвязаны. Масса вопросов, которые были фантастическими до недавних времен, сейчас обсуждаются. И, как ни странно, не только философы их обсуждают, но и ученые. Даже такое движение возникло – «2045». К нему много людей подключили – психологи, философы, физиологи, физики. Они считали, что к 2045 году эту проблему решат и люди будут бессмертными. Сейчас приходится определяться, как жить дальше. Вопросы философские становятся сверхпрактичными. Время философствовать сейчас. Философия всегда есть, но она бывает более востребованной и менее востребованной. Какие-то люди всегда занимаются философией, а какой-то более широкий круг людей нуждается в философии, когда наступают переломные этапы в жизни общества. В античности был переход от патриархальной стадии. Какие-то вещи, которые казались самими собой разумеющимися, оказались под сомнением. Надо было их осмыслить, решить, как жить. И философы пытались давать ответы на эти вопросы. Сейчас человечество подошло к предельному рубежу. И все эти вещи связаны с ответом на вопрос «Что такое человек?». Где кончается человек? Сейчас проводится масса опытов с пересадкой сознания на другой носитель, с пересадкой органов, тело трансформируют. Как сказал один хирург: «Можно менять протезы, руки, ноги, менять сердце – а если мозг менять?» Где ядро человека? До каких пор вы сохраняетесь как существо, которое может принимать свободные самостоятельные решения? Пусть вы будете киборг, но, если вы такие решения принимаете, осознаете, что вы делаете, и отвечаете за свои действия, значит, вы человек. Если нет – вы уже не человек. Эти вопросы, старые философские проблемы в этом новом ракурсе предстают. Поэтому обсуждают, поэтому сейчас интерес к этим вещам очень сильный.

В «Научном совете по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований» при Президиуме Российской Академии Наук, возглавляемом В.А. Лекторским, обсуждают доклады математиков, специалистов в области искусственного интеллекта, специалистов в области нейронаук, психологов. Все эти философские вещи оказались важны не только для философов. В конце XIX века было распространено мнение, что философия – это древняя дисциплина, которая когда-то была нужна, а потом, когда науки появились, уже потеряла смысл, она должна уступить место наукам, они сами эти вопросы решать. Так казалось довольно долгое время, а потом оказалось, что это не так. Сами эти науки приходят в философские вопросы и нуждаются в их обсуждении при помощи тех идей, которые в философии были наработаны. Поэтому сейчас наступил новый этап взаимодействия философии с другими дисциплинами, с

технологиями, с практической жизнью. Сейчас философия действительно востребована. Один человек сказал: «Что такое искусственный интеллект, новые цифровые технологии, биотехнологии, NBIC – это как скатерть самобранка. Все вам, что захотели – то получили. А когда вы к этой скатерти подошли, оказалось, что там ящик спрятан, это ящик Пандоры». В античной мифологии был такой сюжет, все хотели узнать, что такое спрятано в ящике Пандоры. Ящик открыли, и всякие гадости поползли из этого ящика. Книга Харари «Homo Deus: краткая история будущего» – это рассказ о новых технологиях, новых возможностях и новых проблемах, которые возникают. Как человеку остаться человеком, при всех новых возможностях не превратиться в нечеловека. Проблем много, начиная с экспериментов по трансформации человеческой телесности. Биологи тоже обращаются к философам: нужна философская гуманитарная экспертиза. Что можно делать, что нельзя. Не все, что можно – нужно. К писателю Антону Павловичу Чехову однажды пришла одна женщина и спросила: «Антон Павлович, можно ли построить огромный тоннель, чтобы он другим концом вышел на другом конце земного шара?» Чехов, наверное, был не очень осведомлен в физике и не знал, что нельзя. Но он ответил: «Можно, но не нужно».

4.5. Вопросы аудиторки

— Кажется, мы должны ввести различие. Делегирование наших познавательных функций телескопу, то есть, какому-то инструменту, который непосредственно с нашим телом взаимодействует, и условному искусственному интеллекту. Возник вопрос, можем ли мы присваивать труд искусственного интеллекта, присваивать результат его познавательной деятельности себе и называть его результатом нашей познавательной деятельности?

— Конечно, есть какие-то инструменты, относительно которых ясно, что это часть нас, которые нам подвластны, мы знаем, как ими пользоваться и что мы получим, если будем использовать их. А есть искусственный интеллект, который иногда работает так, что нельзя понять, как он работает, какой будет результат. Как в таком случае относиться к нему? Ясно одно, что искусственный интеллект является инструментом до тех пор, пока он не выходит из-под нашего контроля. Можно присваивать его результаты, какие-то вещи, которые может делать он, и не можем делать мы. Мы сейчас это делаем, мы же это просчитываем. Нужно создавать какие-то условия, чтобы результаты его работы можно было использовать во благо человека, а не против человека. Чтобы он не диктовал нам, как нам себя вести, а чтобы мы принимали или не принимали его результаты.

Что происходит сейчас в связи с цифровизацией образования? Это масса проблем. Сейчас об этом многие пишут, некоторые считают, что скоро преподавателей отменить надо будет. Преподаватель лекцию прочитал, записали, послушайте. А все остальное читать в интернете. Эта вещь не получится и приведет к плохим результатам. Тогда вы

не будете теми, кем должны были быть. Это особый разговор, не говоря уже о том, что мозг человеческий не все может воспринять из того, что ему диктует искусственный интеллект. Если вы окажетесь в зависимости от смартфона, компьютера – вы деградировать начнете постепенно, не сможете многие вещи делать. Это серьезная проблема, которая обсуждается в связи с образованием. Механизм ваш до тех пор, пока он в вашей власти. А когда он начинает вести себя все более и более автономно, есть какой-то предел. Что-то можно ему позволить, но чтобы это было под вашим контролем, если выпустить его из-под контроля, могут возникнуть какие-то непредсказуемые вещи. Анализ больших данных, который проводится искусственным интеллектом - вы не можете сделать. Он используется в бизнесе, используется в залах хранения. Все можно использовать и нужно использовать, для этого все и создается, чтобы потом использовать.

— Мы их используем, но мы не перепроверяем, мы не проходим весь этот путь. Вольны ли мы полностью присваивать это знание?

— Вольны. Перепроверить все невозможно. Если вы будете все перепроверять, вы ничего вообще не сможете делать. Когда вы живете в обществе, вы не перепроверяете действия другого человека. Если бы не было доверия, общество было бы невозможно. Когда вы учились в школе, и вам рассказывали о законах классической механики, вы что, каждый раз перепроверяли? Есть такая философская проблема – как можно получать знания. Можно их самостоятельно получать, массу знаний мы сами получаем с помощью опыта, восприятия, можете что-то сообразить, почитать. А есть знание по доверию. Большую часть знаний вы по доверию получаете. И вас можно обмануть поэтому. В школе вы не перепроверяете законы классической механики, вы доверяете учителю. Оказывается, без авторитета и наука невозможна. В науке нельзя все перепроверять. В науке есть огромный массив данных, и каждая группа ученых доверяет другим. Если нет доверия, то нет знания, то рушится общество. Вы доверяете финансовой системе, вы доверяете банкам. А если вы никому доверять не будете, вы жить не сможете, вы шагу не сможете ступить. Знание по доверию – очень интересная вещь: вы доверяете искусственному интеллекту до тех пор, пока он вас не обманывает. Если он вас обманывает или какие-то сомнения зародятся, тогда можно и перепроверить. А там, где есть доверие, возможен сознательный обман. И в науке такие вещи тоже есть, когда ученые, исходя из того, что доверяют результатам, пишут статью якобы на основании таких-то экспериментов. Потом оказывается, что этих экспериментов не было, ученый потасовал эти данные. Такие случаи есть. И тогда его изгоняют, он уже не ученый, с ним никто не будет иметь дело. Но, поскольку такой механизм есть, это может во зло использоваться и используется. Но без доверия тоже нельзя ничего делать. Вы не сами по себе. Большую часть того, что вы знаете, 90%, вы получили от других людей, потому что им поверили. А если никому не верить, вы жить не сможете. Не только ученым, но и своим близким людям. Насчет искусственного интеллекта – да, есть такая проблема. Вряд ли он будет обманывать, если он под вашим

контролем, но если он будет автономным, то да, такая возможность есть. Поэтому нельзя допустить, чтобы он вышел из-под вашего контроля. Контролировать его нужно, сейчас об этом говорят и пишут. Если он будет самостоятельным, он может сделать из вас раба, диктовать, как вам себя вести. Не понятно, нужно это вам или нет. Это одна из новых проблем. А доверие – это старая проблема. Без доверия вы не сможете шагу ступить. Поэтому, когда говорили философы «Во всем сомневайся, никому не доверяй» - чепуха, конечно, без этого жить нельзя. Вы должны верить другим и верить себе. Представьте себе, что в этой аудитории принесли мне доску шириной от этого конца до того и положили ее на пол. Преподаватель скажет: «Пройдите по этой доске». И вы спокойно пойдете. Потом эту доску приподнимут на полтора метра в высоту и попросят пройти по ней. Вы по ней пройдете, слегка покачиваясь, балансируя. Потом эту же самую доску положат с крыши одного дома на крышу другого, и попросят вас по ней пройти. Вы упадете обязательно. Почему? Вы боитесь упасть, вы себе не доверяете. А если бы вы себе доверяли, спокойно бы прошли. Если будет человек с сомнабулизмом, лунатик, он будет бегать по этой доске и никогда не упадет. Он знает, что не упадет. Вот такая вещь: знание и вера. Оказывается, если вы чему-то не верите, то вы и знать не будете, и делать ничего не сможете. Поэтому доверие нужно, с искусственным интеллектом эта вещь еще более острой становится.

— Вопрос более критический: были обозначены многие очень важные темы современного мира, а можно ли назвать какие-то ответы, которые дает философия? Например, важный вопрос о том, как сохранить человечность, и как оставаться человеком. Может быть, есть какой-то практический итог измышлений?

— Философия пытается давать ответы на эти вопросы, есть разные философские мнения по этому поводу и дискуссии. Это не такая простая вещь, это сложные вопросы. Вообще те вопросы, которые кажутся самыми простыми, - они и есть самые сложные. Что такое Я, например? Хотя, казалось бы, такая простая вещь: себя-то с другим вы не спутаете. Я – это я. А когда эти вопросы задают, они кажутся самыми сложными. Был такой известный средневековый философ Августин Блаженный. Его спросили о том, что такое время. Он ответил: «Пока вы не задали этот вопрос, я знал. А теперь, когда вы его задали, я понял, что очень сложно на него ответить».

Как сохранить человеческое в человеке? На все вопросы, о которых я говорил, у меня есть ответы. Но это только мои ответы, другие могут иначе использовать другие ответы. Один мой известный человек занимался биоэтикой, занимался вещами, связанными с клонированием, пересадкой органов, трансформацией человеческой телесности. Там этические вопросы возникают. Он на эту тему писал и понял, что плывет ядро человеческое. Не понятно, что остается в человеке. Пересадили сердце, руку, ногу. Известный античный сюжет – корабль Тесея. Тесей плыл на корабле и постепенно менял доски: поменял одну доску, потом вторую. К концу плавания выяснилось, что он все доски поменял. И вопрос: это тот же корабль или уже не тот же? Это вопрос парадоксальный. Человек сталкивается с тем же самым. Все, наверное, еще

изменить нельзя, хотя многие вещи уже можно заменять. Чтобы человек оставался человеком, ядро человека – это возможность принимать самостоятельные свободные решения, нести ответственность за свои поступки, обладать свободой выбора. Если у него при всех этих пересадках это остается, то это человек. А если он этого лишается, то это уже не человек. И если человек помещен в общество бессмертных существ, он тоже уже не человек. Он потерял смысл жизни. Это называется human enhancement - «улучшение человека» - есть такой проект по улучшению человека. Ведется практическая работа по улучшению его телесности и психики. Но есть какой-то предел, вам кажется, что вы улучшаете его, но, может быть, вы уже не улучшаете его, а превращаете в нечеловека, нелюдя. Это называется постчеловек, или трансчеловек, то, что за рамки человека выходит. Есть проблема смысла жизни. Одно дело, проблема смысла вашей жизни – это вы сами решаете, что для вас в жизни важно, зачем вы живете. А есть проблема смысла жизни человечества. И сторонники трансгуманизма считают, что смысл жизни человечества в том, чтобы подготовить сверхчеловечество, или трансчеловечество. Кажется, что по этому пути идти нельзя, и трансгуманизм будет антигуманизмом. Эти вещи, которые казались до недавнего времени досужими размышлениями фантастов, оказались не такими фантастическими. Человек выходит за свои пределы разными способами: с помощью мышления другого человека, с помощью культуры, которую он создает, людей, которые его окружают. Он всегда с кем-то связан, он не замкнут на себя. А если и это обрубается, то жизнь теряет всякий смысл.

Сейчас мы вступаем в новую ситуацию, где старые философские вопросы приобретают новый смысл и становятся очень острыми. Философия сейчас – это востребованная дисциплина. Это не просто дисциплина умствований, размышлений. Оказывается, она помогает понять, где мы, что мы, как себя вести, чего остерегаться и что сохранить. Философия – это не просто критика, она всегда была способом сохранения очень важных вещей. Функция сохранения, сбережения чего-то очень важного, уникального для человечества, - остается за философией. А если пойти по пути технологий, которые решают сиюминутные технические проблемы, что выгодно – то можно зайти неизвестно куда. То есть мы решаем какие-то проблемы сиюминутные, а потом теряем перспективу, теряем целое, не понятно, куда мы все движемся. Как сказал один современный мыслитель о западной цивилизации: «Наша цивилизация – это цивилизация не целей, а средств». Он имел в виду не конкретные цели, а главные, глобальные: куда идти, куда двигаться. Если цель ясна, то средства мы отыщем. Понять, куда нужно, что нужно делать – вот это главная проблема. И тут-то возникают и обсуждаются все эти вопросы.

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ